

Лев Кузьмин Шагал один чудак

ЛЕВ КУЗЬМИН

ШАГАЛ
ОДИН
ЧУДАК

Лев Кузьмин

шагал один чудак

*Стихи,
повесть-сказка*

*Пермское
книжное издательство
1988*

ББК 84(2)7
К89

Художник *В. Аверкиев*

К $\frac{4803010102-73}{M152(03)-88}$ 48-88

ISBN 57625—0044—6

© Пермское книжное
издательство, 1988

звездочёты

ЗВЕЗДОЧЁТЫ

В своём домишке древнем,
С трубою набочок,
Жил в сказочное время
Весёлый звездочёт.

И был он, между прочим,
Не очень-то богат:
Носил зимой и летом
Единственный халат.

Но дело не в богатстве,
Не тем он дорожил!
В одном прекрасном царстве,
В старинном государстве
Он звёзды сторожил.

Лишь звёздочка случайно
Сорвётся с неба в пруд,

Бессменный караульщик
Немедля тут как тут!

Он звёздочку достанет
Коротеньким сачком,
На печке обогреет
Под старым пиджачком,

И напоит малиной,
И мокрый нос утрёт,
Да и отправит снова
Под синий небосвод.

Подкинет ввысь
И скажет:
— Лети! Свети смелей!
Чем больше звёзд на небе,
Тем на земле светлей!

И год за годом славно
Трудился звездочёт,
Но вот однажды ночью
К нему явился чёрт.

Явился, притулился
Подальше от окна;
Тихонечко хихикнул:
— Есть дело, старина!

Я тоже звездочётом
Желаю в пекле стать,
Мне звёзд,
Хоть штучек сорок,
Не сможешь ли продать?

Продашь — разбогатеешь!
Ты звёзды не жалея,
Чем на земле темнее,
Тем лучше для чертей.

Подумал честный сторож:
«Как быть? Что говорить?

Эх, дай-ка попытаюсь
Нахала обхитрить!»

А вслух сказал:
— Ну что же!
Ответ мой очень прост:
Плати волшебный грошик —
Получишь сорок звёзд.

Они вот здесь, в печурке.
Их ровно двадцать пар.
Выкладывай монетку —
И забирай товар.

Лишь дай мне обещанье,
Что если крикнешь «Ой!»,
Я грош возьму,
Но будет
Товар уже не твой.

Чёрт крикнул:
— Я согласен!
Подпрыгнул чёрт:
— Давай
Чугунную заслонку
Скорее открывай!..

И сунулся к печурке,
Дугою выгнув хвост.
А там, в печурке, угли
Пылали вместо звёзд.

Чёрт угли цапнул сдуру,
Заверещал: — Ой-ой!
И в тот же миг услышал:
— Товар уже не твой!

И топнул чёрт с досады,
И дверью хлопнул чёрт!
И в кошелёк монетку
Припрятал звездочёт.

Но только не считайте,
Что он богатым стал,
Что он халат атласный
Портному заказал...

Нет, нет!
На этот грошик,
Волшебный, непростой,
Купил он в магазине
Бумаги золотой.

И новых звёзд наделал
Из той бумаги сам,
И ловко их приклеил
К высоким небесам.

Он был, как прежде, верен
Пословице своей:
«Чем больше звёзд на небе,
Тем на земле светлей!»

КОЛЕЧКО

(Из русских народных сказок)

Светло и тихо. День погож.
Зима ушла на север.
Под тёплым ветром зреет рожь,
Цветёт пунцовый клевер.

От поля к полю напрямик
Дорога вдаль стремится.
А рядом кузница стоит,
Над ней дымок струится.

В ней лёгким, звонким молотком
Сковал кузнец колечко
И надпись вырезал на нём
Иглой остроконечной:

«Кому колечко в самый раз,
Тот будет счастлив сей же час!
Кольцо без промедленья
Исполнит все хотенья!»

И вот изделие положил
Кузнец на подоконник,
А по дороге вдоль межи
Пылит угрюмый конник.

В лохмотьях шляпа и штаны,
Дыра на латах жёстких,—
То едет грозный царь с войны
Из стран чужих, заморских.

Он там сгубил своих солдат.
Он получил там сдачи;
Он, еле жив, пылит назад,
От злости худ и мрачен.

Конь мимо кузницы шажком
Бредёт, звенит уздечкой,
А царь склонился над окном
И разглядел колечко.

Схватил и надпись прочитал.
Коню велит: — Стой, кляча!
Вот то, чего я сам не ждал!
Вот,— говорит,— удача!

А если так, то самый срок
Опять за меч схватиться...
Эй, помоги, кольцо-дружок:
Пусть в поле каждый колосок
В солдата превратится!

И, вновь готовясь на разбой,
Рукой взмахнул он смело,
Да с пальца тощего долой
Колечко в пыль слетело!

С досады плюнул грозный царь,
Пришпорил клячу больно
И затрусил, как прежде, вдаль,
И вновь кругом спокойно.

А по дороге мчится вскачь
Лошадок резвых пара;
В телеге лавочник-богач
Торопится с базара.

Везёт с червонцами ларец,
Ведёт в уме им счёт он
И видит вдруг:
Пред ним кузнец
С дороги поднял что-то.

— Неужто рублик?
— Нет, кольцо...
— С алмазом?
— Нет, с секретом:
Кому колечко в самый раз,
Вот тот получит и алмаз,
Да не один при этом.

Богач с телеги спрыгнул: — Врёшь!
Словам твоим не верю.
В колечке пользы ни на грош,
А впрочем, дай, примерю.

Поделку в руки взял богач,
Навёл фуражкой глянец
И начал мерить. Но, хоть плачь,
В кольцо не лезет палец.

Богач — ловкач, да он — толстяк.
Он сам себе помеха.
Совал он палец так и сяк,
И всё ж ни с чем уехал...

А небо — синего синей.
Там стриж звенит, кружится.
К воротам кузницы с полей
Спешит девчонка-жница.

Пылает яркий сарафан.
Платок — узор к узору.

Кузнец кольцо надел ей сам,
Кричит:
— Гляди-ка, впору!

А если так — владей кольцом!
И станешь вмиг царицей,
Платочек твой — златым венцом,
Вот эта кузница — дворцом,
А стриж над ним — жар-птицей!

Смеётся девушка:
— Ну что ж,
Коль отвечать, так честно:
Подарок — ясно, что хорош,
Да мне — и так чудесно.

Смотри, как вызрел в поле хлеб,
Как плещет рожь в пригорки!
Ты наточи скорей мне серп:
Пришла пора уборки!

Спешит на жатву весь народ;
Мне отставать нет часа...
Ну, а колечко подождёт
До будущего раза!

БАШМАКИ- ПРОСТАКИ

Два простака,
Два башмака
В осенний день издалека
Шли по глубоким лужам.
Один шагал без каблука,
Второй был худ и без шнурка,
К тому же весь простужен.

Худой башмак
Вздыхнул с трудом:
— Сейчас бы нам увидеть дом
С затопленной печкой,
Тогда бы там нашлись для нас
В кастрюлях каша,
В кружках квас...

Второй кивнул:
— Конечно!

Худыш опять:
— За тёплый кров
Хозяйке мы наколем дров!
Поленниц пять примерно.
У нас же есть с тобою честь:
Не станем даром пить и есть!

Второй ответил:
— Верно!

И вдруг пред ними встал дворец.
Воскликнул первый:

— Наконец

Нам впрямь удача светит!
Кругом собаки, правда. Но —
Давай стучаться всё равно!

— Давай! —

Дружок ответил.

А во дворце жил Фон-Барон.
Разбужен ранним стуком он,
Кричит слуге с постели:

— Эй, кто устроил тарарам?
Что за нахалы нынче к нам
Ломиться в дверь посмели?

Слуга на цыпочках бежит,
От смеха даже весь дрожит
И приседает даже:

— Два чудака,
Два башмака
Пришли сюда издалека
И очень просят... КАШИ!

— Что? Шум подняли башмаки?
Да как посмели дураки
К нам лезть из грязи, пыли?
Дворец наш вовсе не таков,
Чтоб привечать в нём простаков;
Пусть бродят, где бродили.

Здесь только туфелькам почёт!
Лишь самый тонкий каблучок
Вхож на паркетные наши,
И надо знать, что никогда
Никто, ко мне войдя сюда,
Не спрашивает каши!

Ушли друзья. А Фон-Барон
С постели слез пуховой.
Уснуть уже не может он,
Слугу он кличет снова:

— Эй! Что за холод во дворце?
И в том, и в этом вот конце
Сосульки в ряд настыли.
Болит от стужи голова.
Сходили б туфли по дрова,
Камин бы затопили!

Слуга в кулак подул,
Вздыхнул:
— По этакой-то стуже
Не выйти туфелькам за дверь...
Для дела этого теперь
Надёжней кто-то нужен.

— Так пусть шагают башмаки!
Ведь им, бывалым, пустяки
Промять тропу до рощи...

— Ах, башмаки? Но их здесь нет.
Они от нас ушли чуть свет
К хозяевам попроще.

Они вернуться не хотят,
Они в избе теперь сидят
На самом лучшем месте.
Хозяйка им подносит квас
И говорит, что нет у нас
Ни совести,
ни чести!

КАК БЫЛ ВЕСЬ МИР СПАСЁН

(Из норвежских сказок)

Приснилось ночью петуху,
Что если он «Кукареку!»
С горы не пропоёт,
То будет страшная беда:
Весь мир исчезнет навсегда
И сам он пропадёт.

Петух вскочил, глаза протёр,
Петух с насеста — прыг!
И лесом в горы пошагал
По тропке в тот же миг.

А вслед весёлый Гусь-Не-Трусь
Кричит: — Петух, постой!
Тебе в пути я пригожусь,
Возьми меня с собой!

— Ну что ж, пойдём!
И вот вдвоём
Вперёд то вверх, то вниз

Идут Петух и Гусь-Не-Трусь,
А им навстречу — Лис.

Лис говорит: — Друзья!
И я
Хочу весь мир спасти...
Но пообедать в дом ко мне
Зайдёмте по пути.

Петух и смелый Гусь-Не-Трусь
Заходят к Лису в дом;
А тот развёл в печи огонь,
Бренчит в углу ведром,
О камень точит острый нож,
Налил воды в горшок...

И вдруг схватил Гуся за хвост:
— В суп полезай, дружок!
А Петуха я съем потом,
И мир вам не спасти!

Но Гусь разбил горшок крылом
И крикнул:
— Отпусти!
А не отпустишь — сам уйду;
Не думай, я не прост!

Рванулся Гусь —
И у врага
В зубах оставил хвост.

И мигом — в дверь!
А там — во двор!
Петух — за Гусем вслед,
И дверь снаружи на запор:
— Вот, Лис, тебе обед!

Не вышла хитрость! —
Два дружка
Взошли на горный склон,
И кукарекнул там Петух,
И был весь мир
Спасён!

Остался мир опять таким,
Каким он был всегда;
Лишь храбрый Гусь
Бесхвостым стал,
Но это — не беда!

Важнее было мир спасти,
А хвостик может отрасти!

СВЕРЧОК

Стоял на горке старый дом.
А в доме жил Сверчок —
Простецкий сельский музыкант,
Малютка мужичок.

Однажды хлынул сильный дождь,
Ударил страшный гром,
И развалился у Сверчка
На горке старый дом.

Но музыкант Сверчок сказал:
— Не дело унывать.
Была бы скрипочка,
А с ней
Найду где ночевать.

И вот к Ежу стучится он:
— Открой, сосед! Беда!
Я без пристанища теперь
Остался навсегда.

Открой скорей, приятель, дверь!
Согреться я хочу.
А за ночлег и за тепло
Игрою заплачу.

Еж говорит:
— Да я и так
Готов тебе помочь!
Играть не надо.
На печи
Спокойно спи всю ночь.

— Ах, что ты! Я же обещал! —
Одно твердит Сверчок,
И в угол сел,
И в лапку взял
Малюсенький смычок.

И — заиграл...
 Но инструмент
 Не пел,
 А лишь скрипел.
 Ведь по-другому-то Сверчок
 Играть и не умел.

Но был он честен!
 И пока
 Хозяин не уснул,
 Он всё пиликал в уголке,
 Всё — скрип да скрип — тянул...

Когда-нибудь,
 Друзья мои,
 Ненастной порой
 Он убаюкает и вас
 Чуть слышною игрой.

Но обижаться на него
 Не надо!
 Ведь Сверчок
 Из паутинок сделал сам
 Незвонкий свой смычок.

Он сам травинки собирал
 Для скрипки по лугам,
 И эту песенку играть
 Учился тоже сам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЛОНА

Под солнцем палящим
Со склона
На склон
Идёт по горам
Путешественник Слон.

Все земли прошёл он,
Все страны увидел,
Метлой подметал
Тротуары в Мадриде,
В Стамбульском порту
Пароходы грузил,
Но всюду, но всюду по дому грустил.

И вот, наконец, он совсем стосковался,
Купил чемодан и в дорогу собрался.
И вот он шагает,
Ушами трясёт —

Родным и знакомым
Подарки несёт.

А родина
С каждой минутой всё ближе,
А горные склоны
Всё ниже и ниже...
И кончился путь!
И у светлой реки
Толпою встречают Слона земляки.
Они обнимают его и качают,
А он им — всем, всем! — по подарку вручает.
Слонихе
Подносит духи и серёжки,
Слонёнку —
Портфель с букварём и сапожки,
Жирафу —
Пальто в золотистую клетку,
А Бегемоту — с помпончиком кепку...

И все благодарны, все рады вполне,
Но тут раздаётся:
— Простите! А мне?
А мне разве нет? —
Вдруг откуда-то вышла
И жалобно пискнула серая Мышка.

И сразу притих и сконфузился Слон.
— Какой я бессовестный! — вымолвил он.

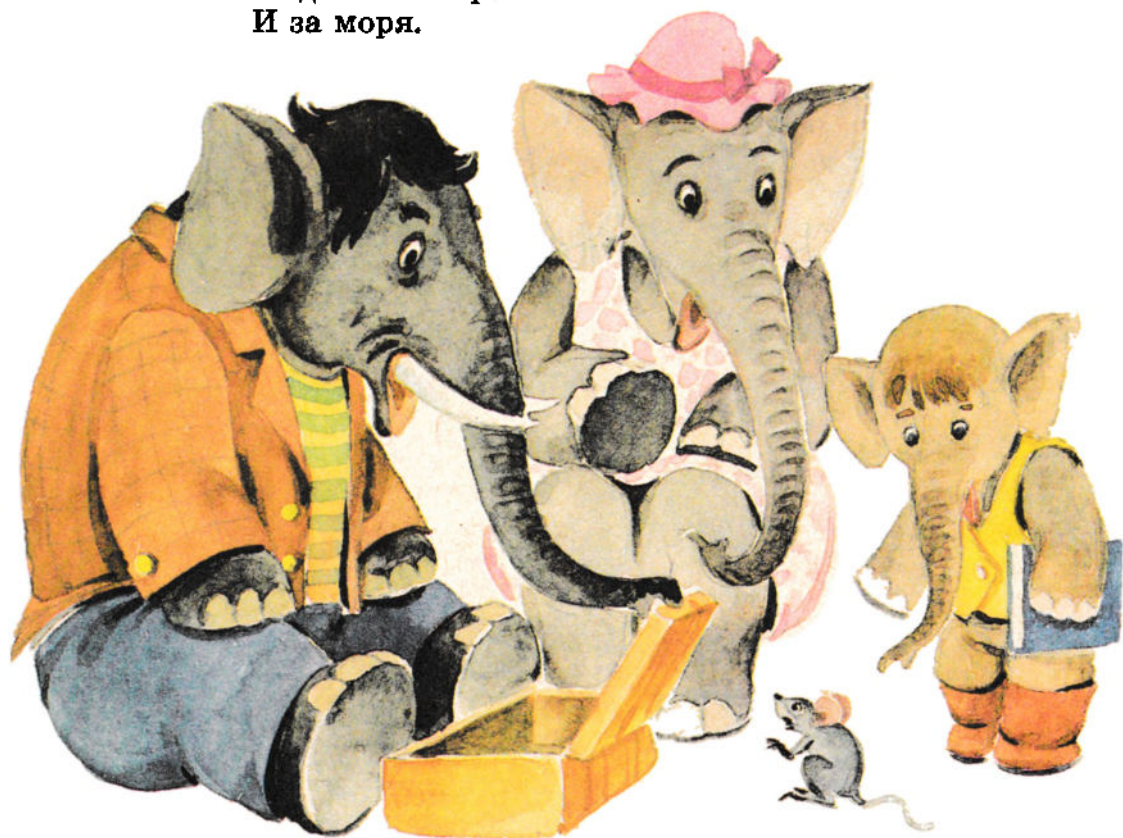
И скинул пиджак,
И ощупал карман,
И хоботом настежь открыл чемодан,
И снова захлопнул,
И рядышком сел,
И грустно сказал:
— Чемодан опустел!

И все приуныли...
Но тут во весь рот
Крикнул печальной толпе Бегемот:

— Подумаешь, горе!
Ну стоит ли, братцы,
Нам из-за Мышки так волноваться?

Ведь мы **ВЕЛИКАНЫ!**
А Мышь чуть видна.
Но Слон прошептал:
— Не хвались, старина.
Мышка не хуже тебя, Бегемота;
Ей, серенькой, тоже подарок охота.

И вот он поднялся,
Устало вздохнул,
Хоботом, словно рукою, махнул
И двинулся снова в чужие края,
За дальние горы
И за моря.

Ушёл он!
И снова от дома вдали
То улицы мёл,
То грузил корабли.

Под ним
Пароходные трапы трещали,
Его
Непогодю тучи стращали,
Не знал он ни отдыха, ни передышки,
И — заработал подарок для Мышки!

Но только теперь он купил
Не одежду
И не духи,
А губную гармошку!
И сам поиграл,
И ушами похлопал,
И радостно хрюкнул,
И к дому потопал.

Он шёл и смеялся!
Он шёл и трубил:
— Хороший подарок я Мышке купил!
Теперь будет славно и весело всем,
Теперь я шагаю домой насовсем!

ДОМ С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Ах, как этот дом расчудесен!
Он солнышка полон с утра.
Над входом висит колокольчик
Из чистого
Серебра.

И если ты ласково, тихо
В него позвонишь,
То поверь,
Что в доме проснётся старушка;
Седая-седая старушка
Тебе распахнёт сразу дверь.

Старушка приветливо скажет:
— Входи, не стесняйся, дружок!
На стол самовар поставит,
В печи испечёт пирожок
И будет с тобою вместе
Чаёк распивать дотемна,
И старую добрую сказку
Расскажет тебе она...

Но если,
Но если,
Но если
Ты в этот уютный дом
Начнёшь кулаком стучаться,
Поднимешь трезвон и гром,
То выйдет к тебе не старушка,
А выскочит
Баба-Яга,
И не слышать тебе сказки,
И не видеть пирога!

КАПИТАН КОКО И ЗЕЛЁНОЕ СТЁКЛЫШКО

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Глава первая

СТРАНА МОЕГО ДЕТСТВА

Я живу в солнечной квартире. На моём столе грудa бумаг и глубокая чернильница. Я макаю в чернильницу перо, беру лист бумаги и всё время пишу. Пишу с утра до вечера. Такая уж у меня работа.

Но прошлым летом в городе наступила страшная жара, чернила в чернильнице высохли, писать стало нечем — и я собрался в отпуск.

Я сложил бумаги в стопу, плотно закрыл письменный стол, сказал соседям «до свидания» и укатил далеко-далеко.

Я уехал в самый любимый уголок Страны Своего Детства!

Там всегда хорошо. Там шумят четыре миллиона сосен, зеленеют над грибными полянами двенадцать тысяч берёз и течёт одна-разъединая речка Нёндовка, чистая, неглубокая — как раз для ребячьего купания.

А за речкой
По светлой горушке,
По траве
К теремку-избушке
Тропка вверх повороты вьёт.
Та избушка ходить не может,
У избушки нет курьих ножек.
Очень ласковая старушка
Припеваючи в ней живёт.
Есть на всё у старушки уменье,
И друзей самых добрых не счесть!
В теремок
По утрам
Варенья
Прилетают шмели поесть.
И ведут себя тихо, скромно,
Не толкутся, не точат жал.
Раз к старушке медведь огромный
Прямо из лесу прибежал!
Но и он
Головою косматой
Не мотал,
Не ревел что есть сил,
А касторки
Больным медвежатам
Смирно,
Вежливо
Попросил.
Мишка ахал и охал горько,
И конечно же
Сразу он
Получил пузырёк с касторкой
Да ещё и медку бидон!
Целый день там,
С утра до заката,
Самых лучших гостей полно.
В избу солнечные зайчата
Так и прыгают
Через окно!
И не зря...

Та старушка
Ватрушки
Печь умеет на зависть всем:
Глянешь раз —
Откусить захочешь!
А откусишь —
Язык проглотишь!
Понарошку.
Не насовсем.

Вот такая старушка живёт в Стране Моего Детства!

И это, конечно, моя бабушка — самая добрая на свете волшебница.

Как только я с нею встречаюсь, как только приезжаю к ней, вокруг меня и со мной самым непременно случается что-нибудь интересное.

Вот и сейчас, не успел я прикрыть за собой калитку, не успел обнять бабушку, как вдруг — чик-бац! ой-ой-ой! — произошло что-то странное.

Мой собственный пиджак стал мне очень велик, из брюк и туфель я прямо вышагнул на траву, а чемодан сразу потяжелел вдвое и вырвался из рук.

Сначала я испугался, но потом сообразил: это бабушка устроила так, что я снова стал маленьким, таким, каким был в детстве!

Я засмеялся и сказал:

— Ну что ж, бабушка, тогда помогай мне. Ведь силы-то у меня тоже убавилось.

Вдвоём мы затащили чемодан в избу, и там на него сразу же уселись солнечные зайцы. Бабушка поцеловала меня в макушку:

— Наконец-то ты хоть на время, да покинул свой город. Наконец-то отдохнёшь по-человечески! Беги в светёлку, открой сундук и оденься как полагается мальчику...

При слове «сундук» я подпрыгнул на месте, крикнул «ура!» и помчался в светёлку. В светёлке почему-то оказался петух. Тот самый петух Петька, который в прошлом году выклюнулся из яйца на печи. Он похаживал по крашеным половицам и что-то высматривал, а когда я хлопнул дверью — выскочил в окошко.

Но про петуха я сразу позабыл. Я торопился к сундуку. И неспроста!

Древний бабушкин сундук всегда притягивал меня, как притягивает большой магнит маленькую иголку. Притягивал не потому, что был красиво расписан жёлтыми и красными цветами, а потому, что я знал:

Добром чудесным он набит!
Чего в нём только нет!
Коробки. Банки. Пузырьки.
Бумажки от конфет.
Шпагат. Сапожная игла.
Утюг. Дверной засов.
Часы без стрелок и стекла.
Пружина без часов.
И неизвестно чей портрет.
И школьный мой пенал.
Ошейник пса...
Но пса здесь нет!
Сюда он не попал.
Зато под ворохом калош
Хранится зонтик тут.
Его раскрыть — и он похож
На гулкий парашют.
А если надо, парус он
Заменит хоть сейчас:
Его над чудо-сундуком
Я поднимал не раз.
И яхтой быстрою сундук
Летел в морской рассвет,
И крепкий шторм свистел вокруг,
И чайки мчались вслед.
Я мог бы новый путь открыть
Вокруг земли вполне!
Да жаль, в такую даль уплыть
Не разрешают мне.

Только я чуть задержусь, бабушка кричит:

— Ну что ты там застрял! Уж не придавило ли тебя крышкой, упаси господи?

Вот и сейчас я услышал то же самое и опять не успел умчаться в море, не успел досыта налюбоваться бабушкиными сокровищами.

Я надел коротенькие трусы, лёгонькую майку, попробовал поскакать на одной ножке и вдруг подумал: «Хорошо бы мне остаться таким на весь отпуск! Хорошо бы на все эти дни сделаться мальчиком настоящим, а не в шутку».

А бабушка опять заторопила меня:

— Садись пить чай да рассказывай про своё городское житьё-бытьё. Ведь у тебя, наверное, полно всяких новостей.

Я сел за стол, положил в стакан ложку варенья, потом добавил ещё две и задумался: какие же самые важные новости лучше всего рассказать?

Может, о моей работе и о том, как опустела чернильница?

Но в голове у меня будто что-то щёлкнуло, и я выпалил:

— А у нас на крыше подрались воробьи! Один воробей свалился в трубу и вылез оттуда чёрный-пречёрный, весь в саже!

Выпалил я эту новость и покраснел. Вот, думаю, сморозил так сморозил! Важнее ничего придумать не мог!

Но бабушка очень серьёзно посмотрела на меня и сказала:

— Ая-яй! Вот бедняга воробей, каково-то ему теперь, чумазому!

И тут меня как ветром понесло! Я начисто забыл о своей работе и, торопясь и обжигаясь чаем, рассказал:

во-первых, про знакомого чемпиона по боксу, который два года тому назад поздоровался со мной за ручку;

во-вторых, про то, как ребята нашего двора сделали из пустых банок заправдашнюю ракету;

в-третьих, про то, как у нас в зоопарке катают мальчишек и девчонок на лошадке-пони всего за пятак.

А дальше... Я не помню, что я рассказал дальше, только было нам с бабушкой очень славно. Слушали мои рассказы и солнечные зайчишки. Они сидели на самоваре, на самом ярком месте, и подмигивали мне. Они, наверное, хотели сказать: «Как хорошо быть маленьким не в шутку, а по-настоящему!»

Но это я знал теперь и без них.

Глава вторая

ПЕТУШИНАЯ ТАЙНА

Когда чай был выпит и новости рассказаны, бабушка прилегла отдохнуть, а я выскочил на крыльцо.

Мне не терпелось поскорее обежать, осмотреть все знакомые уголки Страны Моего Детства.

Первым делом я заглянул в огород. Там пахло укропом, смородиной, там всё зеленело и поспевало. Вокруг тонких колышков завивался горох. Рядом, на самой земле, из-под широких листьев выглядывали молодые крепенькие огурчики. Они сами просились в рот, и я наклонился над грядкой.

Но тут до меня донеслись очень подозрительные звуки. В дальнем конце огорода, в густой крапиве, словно бы кто-то разговаривал.

Я подумал: «Не мальчишки ли забрались в огород?» — и на цыпочках стал подкрадываться к подозрительному месту. А потом опустился на четвереньки и увидел среди волосатых стеблей крапивы тёмный лаз. Обжигаясь и обдирая колени, я пополз по нему.

Голоса приближались. Я полз тихо, как индеец-охотник. И вот увидел впереди лужайку, а на лужайке множество кур. Над куриной толпой возвышался бабушкин петух Петька. Он стоял на опрокинутой кадушке и... разговаривал с курами на человеческом языке!

Я притаил дыхание и стал смотреть и слушать: что же здесь происходит?

Петух цапнул по дну кадушки лапой, выпятил грудь, сказал:

— Уважаемые дамы курицы! Уважаемые петушки! Всем ли охота выслушать меня?

— Ох! Охота! Куд-куда как охота! — ответили куры и придвинулись поближе к кадушке.

— Чив-чито вы! Чив-чито вы! Очень охота! — прочивкали цыплята и встали впереди своих мам.

Петух ещё круче выпятил грудь, заложил крылья за спину, громко произнёс:

— Так вот, уважаемые! Всем вам давным-давно известно, что я петух не совсем нормальный... То есть, я хочу сказать, не совсем обыкновенный! Вы согласны со мной?

— Ко-конечно! Ко-конечно! Ведь вы же вывелись не под ко-корзинкой в курятнике, а на бабушкиной печке. А это удаётся не каждому! — проколовали две рябенькие курочки, Петькины сестрицы.

— Чив-чив... Да! Да! — поддержали их цыплята.

— Ну, если так, если вы со мной согласны, то знайте, что я больше не хочу называться глупым деревенским именем Петька! С этой минуты называйте меня по-другому, — сказал петух.

— А как же вас теперь называть? — опешила куриная публика.

Петух прищурил один глаз и уверенно объявил:

— С этого дня, с этого часа меня нужно называть месье Кокб! Это имя почётное, заграничное. А я не позже как сегодня собираюсь уехать за границу, посетить Валяй-Форси. Вы слышали что-нибудь о Валяй-Форси?

— Нет! Откуда нам слышать?

— Эх вы, неучи! Так вот послушайте:

Есть городок —
Туда пути
Дано не каждому найти,
Туда не всяк домчится!
За сотни вёрст отсюда он,
В нём населенья — миллион,
И каждый житель — птица.
Тот городок — Валяй-Форси.
Там куры ездят на такси
В любой конец бесплатно.
В столице птичьей
Без хлопот
Легко прожить
Хоть целый год —
И сытно, и приятно.
Там каждой курице сошьют
И плащ, и капор в пять минут
С большим

Куриным
Вкусом.
Не надо яйца там нести,
Не надо лапами грести
С утра до ночи мусор!
Всем петухам такая честь,
Что нам лишь снится может здесь,
А там
Любой отпетый,
Любой задиристый петух
Имеет шпак не меньше двух
И носит эполеты!
Что ни петух — то генерал!
Пускай он даже ростом мал,
Пусть глуповат немножко,
Но украшают ленты грудь
И петушиный устлан путь
Ковровою дорожкой.
И королём петух идёт!
И сдуру в суп не попадёт,
Ощипанный жестоко.
Там, в городке Валяй-Форси,
Лишь знай себе гуляй, форси!
Но он, друзья, далёко...

Тут бывший Петька, а теперь «месье», немножечко задумался, помолчал, а потом опять гордо вскинул голову:

— Так вот! Я всё равно найду этот городок, займу курятник побольше и вернусь за вами.

— Ах, Коко! Ка-кой вы кавалер! — умилились куры. — Мы ко-который год мечтаем о плащах и капорах. Только капоры нам нужны не ко-кой-какие, а с ко-кошниками...

— Будут вам и с кокошниками! — пообещал петух.

— И ко-кое-кто из нас поедет на такси?

— Не кое-кто, а все!

— Ах-ах! Кудах! — обрадовались куры и восторженно закачали головами.

А я чуть не хихикнул, но вовремя спохватился. Спыхватились и куры:

— Постой, Петька! То есть, прости... Месье Коко! Как же ты уедешь за границу?

Месье потоптался и сказал:

— Это моя тайна!

— Тайна? Так раскрой же её скорей. Здесь все умирают от любопытства!

— Вы умрёте не от любопытства, а от страха, когда узнаете эту тайну. Поклянитесь, что не разболтаете!

— Клянёмся! — хором ответили куры и цыплята.

— Поклянитесь ещё раз!

— Клянёмся, но нам уже страшно...

— Поклянитесь в третий раз!

Куры хотели дать клятву и в третий раз, но тут самый маленький, самый жёлтенький цыплёнок, должно быть чересчур испугавшись, пискнул:

— Я хочу пи-пи! — И куриные ряды смешались.

Мамаша подхватила сына за крылышко и побежала с ним в кусты.

— Какое невежество! — возмутился петух и спрыгнул с кадушки. Теперь он говорил шёпотом, и мне пришлось почти высунуться из крапивы, чтобы узнать тайну.

— Я уеду по меридиану, — зашептал петух. — Меридианы — это линии, которые опоясывают всю землю с юга на север. Люди думают, что меридианы есть только на карте, но они крепко ошибаются. Они не знают о том, что, кроме нарисованных, придуманных меридианов, есть ещё серебряные, волшебные. Их можно трогать, по ним можно кататься, как по лестничным перилам или как по рельсам...

В это время петух оглянулся и, наверное, заметил бы меня, если бы не так волновался.

— Один Серебряный Меридиан проходит здесь. Рядом с нами. Как раз под бабушкиным сундуком. Но увидит его только тот, кто посмотрит в Зелёное Стёклышко. А стёклышко в сундуке, в кофейной коробке. Так вот, — бормотал петух, — мы сегодня же после обеда залетим в светёлку, я сяду в сундук, а вы толкнёте его...

Тут от изумления я чуть не подскочил. Так вот оно что! Так вот почему сундук мне всегда казался необыкновенным!

Вот почему бабушка не давала в нём как следует порыться!

Но уж теперь-то я знаю, что делать...

Я потихоньку вылез из крапивы и побежал к избе.

Глава третья

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРАБЛЬ И ЕГО КОМАНДА

Обеда я едва дождался. И не потому, что проголодался, а потому, что хотел скорее отправиться в путешествие.

Но я очень жалел бабушку. Я знал: она расстроится, когда останется без меня. И решил сделать на прощание доброе дело: наколоть дров, наносить воды из колодца.

Пока я возился с толстыми чурбаками да с вёдрами, наступил полдень.

И тогда бабушка накрыла на стол, и мы уселись обедать.

Между тарелок ползали пчёлы. Они собирали сахарные крошки. Солнечные зайчики сидели прямо на скатерти. А мы ели лепёшки со сметаной, и я всё время соображал, как бы стащить парочку. В дальнейшее путешествие без провианта отправляться было бы глупо.

Курам на крыльцо насыпали хлебных крошек. Они выбежали из крапивы и, толкая друг друга, забарабанили ногами.

А петух поклевал, поклевал и заорал песню, которую наверняка придумал сам:

Кто во дворе
Любой забор
Перелетит легко?
Кто носит пару острых шпор?
Конечно, я, Коко!
Кто строен, ловок, и крылат,
И разнаряжен в пух?

Кто-кто всегда умом богат?
Конечно, я, петух!
Кто бил врага во всех боях
И зря не удирал?
Поверьте мне, что только я,
Куриный генерал!
А потому,
А оттого
Передо мной, месье,
С большим почтеньем глубоко
Должны склониться все!

— Вот разорался, бесстыдник! — сказала бабушка. — Прямо-таки не узнаю его в последнее время.

Она выглянула в окно, а я совершил нечестный поступок: спрятал две лепёшки под майку и как ни в чём не бывало стал допивать молоко. Лепёшки припекали живот, но я решил закалять силу воли и терпел.

Солнечные зайчики видели мою проделку, но помалкивали: наверное, сами были хорошие проказники.

Тут я опять стал переживать и мучиться: как незаметно от бабушки прошмыгнуть в светёлку?

И, наверное, ничего бы не придумал, если бы не куры.

Две Петькины сестрицы направились на картофельный участок и начали нахально разрывать аккуратные рядки.

Бабушка закричала:

— Кыш! Вот я вам задам! — и выбежала на улицу, а я схватил карандаш, быстро написал записку:

«Бабушка! Я не потерялся. Я уехал за границу. Твой внук».

И бросился в светёлку.

Стеклянная дверь скрипнула. Зайчики перескочили со скатерти на потолок. Я откинул крышку сундука, выбросил утюг, портрет, сломанные часы, ошейник, нырнул под старую бабушкину шаль и стал ждать.

Самый кончик носа я оставил открытым. Для дыхания.

И только притаился, как рядом послышалось тихое кудахтанье, постукивание, поскрипывание. Затем что-то упало на меня. Это забрался в сундук месье. Я не пошевелился.

А куры плакали. Плакали и причитали:

— Ах, кудах, милый Петя! Хоть денёк ско-коротал бы ещё с нами! Но ты, ко-конечно, нас не забудешь? Пожалуй-ста, пришли нам с дороги хотя бы коротенькую открыточку...

Они рыдали потихоньку, но месье так удивился просьбе, что произнёс полным голосом:

— Вы в своём уме? Какую открыточку? Ведь вы же сплошь безграмотные!

— Всё равно! — всхлипывали куры. — Мы подбросим открытку соседскому Ваське, ученику первого класса, он увидит и прочтёт вслух. Васька всегда всё читает вслух, даже вывеску на магазине...

— Ну, ладно! — согласился Коко. — Теперь я придержу крышку, чтобы не захлопнулась, а вы толкайте сундук! Правда, сначала надо бы найти Зелёное Стёклышко, да нет времени: кажется, идёт бабушка!

Действительно, за дверью светёлки послышались торопливые бабушкины шаги. Наверное, она прочла мою записку.

Сундук дёрнулся, хрустнул всеми полосками, гвоздями, скобами — мы поехали!

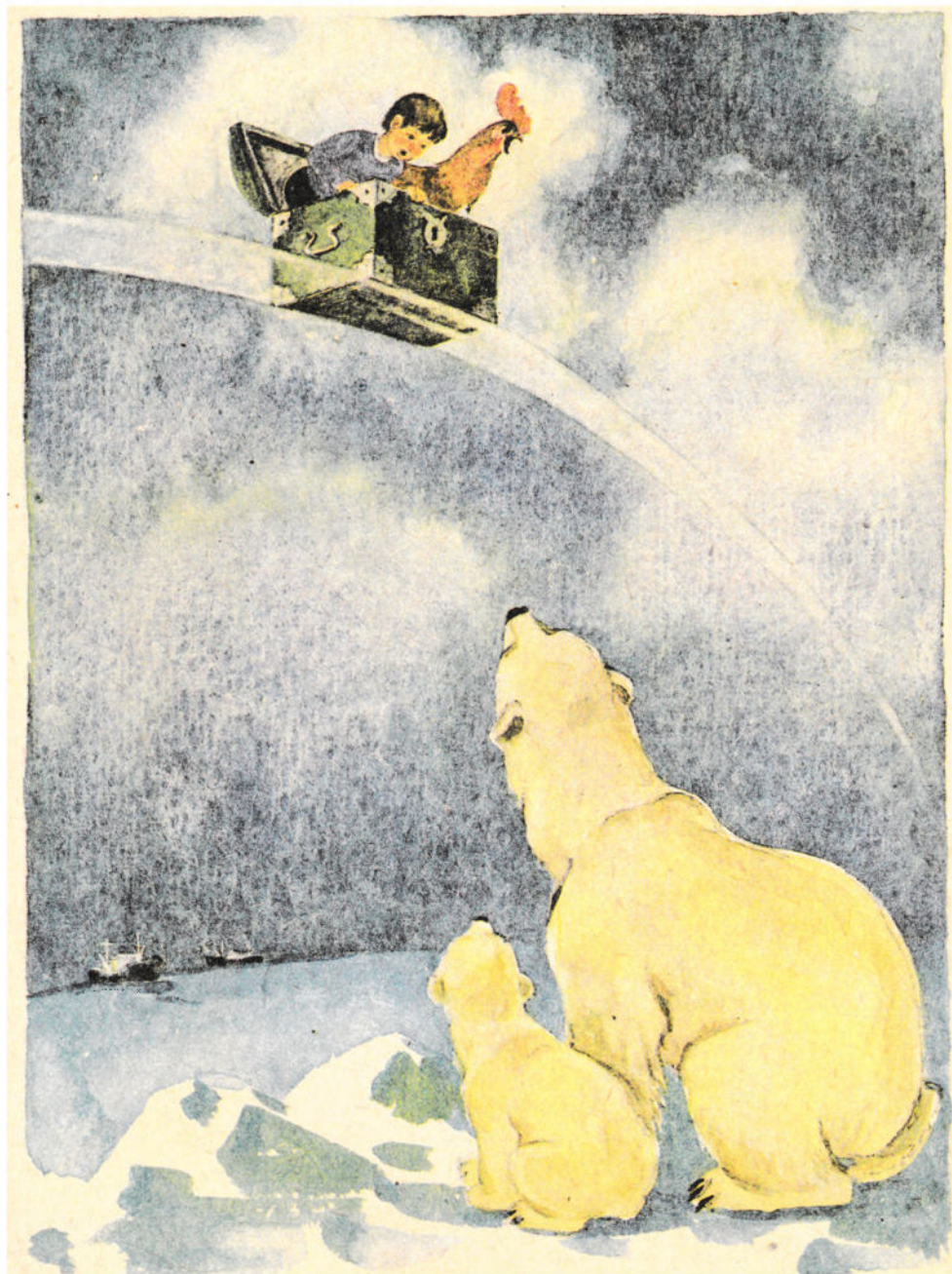
Я хотел встать, но вовремя одумался. Моё неожиданное появление могло напугать петуха, и, чего доброго, он выпал бы из сундука. Я решил потерпеть.

А петух, переступая когтистыми лапами по моей спине, опять начал горланить залихватскую песню:

Эй, кто не верит в чудеса,
Тот встань и посмотри,
Как взмыл сундук под небеса
С водителем внутри!

Сундук прокладывает путь
Сквозь облака легко.
И главный в нём не кто-нибудь,
А капитан Коко!

«Ого! — подумал я. — Он уже называет себя не только месье, не только генералом, но и капитаном. Каков хвастун!»

Тут петушиный хвостик задел мой нос, от щекотки я зажмурился и чихнул. Петух всполошился:

— Кто-кто в сундуке? Не подходи! Клевать буду!

Мне ничего не оставалось, как самым сладеньким, почти медовым голоском пропеть:

— Храбрый-прехрабрый, смелый-пресмелый месёе, дорогой генерал и капитан, пожалуйста, не бойся. Это я, бабушкин внук. У меня под майкой две лепёшки. Прими меня в команду.

Петух долго молчал, переминался с ноги на ногу и наконец ответил:

— Хорошо, так и быть, вылезай из трюма на палубу. Поедем вместе. Мне, капитану корабля, всё равно нужен помощник. Назначаю тебя помощником.

Я откинул шаль и привстал.

Над нами синело небо. Почти рядом плыли облака. Внизу проносились реки, поля, деревни, города и городишки. Всё, что было там, казалось игрушечным. Казалось, вот стоит протянуть руку — и можно домики любого селения собрать в пригоршню, как спичечные коробки. А рельсы железных дорог намотать на пустую катушку... И всё это улетало назад, назад, назад.

Сундук мчался с огромной скоростью. Часа через полтора мы наверняка должны были достичь Северного полюса. От встречного ветра, от большой скорости сундук потрескивал, покачивался, и, кажется, чуть-чуть припахивало дымком.

Я подумал, какое несчастье может произойти, если сундук соскользнет с Меридиана, и закричал:

— Капитан! Где Зелёное Стёклышко?

Петух охнул, быстро-быстро принялся расшвыривать багаж в углу сундука и вытащил кофейную коробку.

Зелёное Стёклышко оказалось на месте. Чутьочку пыльное, гладкое, оно ничем не отличалось от обычных бутылочных осколков.

Только внутри него словно бы плавал крохотный воздушный пузырёк.

И как только я поднёс осколок к глазам, я сразу увидел Меридиан! Он мерцал, поблёскивал, искрился неярким

серебряным светом. Сундук очень точно скользил по его середине.

Крушение нам не угрожало!
Путешествие началось превосходно!
Впереди показался Северный полюс!

Глава четвёртая

ГРОМ И МОЛНИЯ

Наверное, на всей земле нет ни одного мальчика, ни одной девочки, которые не хотели бы побывать на Северном полюсе. Мы тоже с большим удовольствием остановились бы там, если бы не петушиная мечта разыскать Ваялай-Форси и если бы не ужасный полярный холод.

Мы глянули на полюс только мимоходом.

Не успели мы помахать белым медведям, не успели надивиться на ледяные просторы, как очутились по ту сторону земного шара.

Здесь при помощи раскрытого зонта я устроил воздушный тормоз и на одну минуту остановил сундук.

Остановил по чрезвычайно важному делу.

Затем чтобы поднять флаг.

Ведь каждый корабль, куда бы он ни держал путь, несёт на мачте флаг своей страны. И это для команды корабля — частичка родины. Далёкой и единственной.

— А какой флаг мы поднимем? — спросил Коко.

— Только багряный. Только такой, что развевается над Страной Нашего Детства!

И я достал из-под шали пёстрый платок, оторвал багряную, не очень широкую полоску, привязал её к вязальной спице, укрепил на крышке сундука. Получилось отлично!

Конечно, это был совсем крохотный флажок, похожий больше на вымпел, но плескался на ветру он по-настоящему и виднелся, наверное, за целый километр.

— Теперь все увидят, откуда мы приехали! — сказал Коко.

— Что ж, так оно и должно быть,— ответил я и опять раскрыл зонт. Но на этот раз подставил его попутному ветру, как парус.

И опять наш корабль набрал бешеную скорость, и опять мы понеслись туда, где петуху мерещилась птичья столица Валяй-Форси.

А чужие страны приближались.

Вот промелькнули внизу туманные дремучие леса. Вот блеснули широкие озёра. За ними всё чаще заpestрели квадраты-шашечки полей, садов, огородов, и, наконец, впереди из голубоватой дали выплыл огромный город. Такого я никогда не видал. Его высокие дома напоминали гигантские перевёрнутые сосульки. Они втыкались верхними этажами в небо, маленькие тучки цеплялись за них и не могли улететь вслед за ветром.

Я понял, что это небоскрёбы, и не очень-то поразился. Но капитан Коко не находил себе места от удивления. Он даже начал хвастаться, словно здания-сосульки принадлежали ему:

— Смотри, какие чудесные небоскрёбчики! У нас таких нет! Давай остановимся и как следует всё посмотрим. Может, именно здесь и живут петухи. Может быть, это и есть Валяй-Форси?

Но останавливать сундук нам не пришлось. Мы так зазевались, что в тот момент, когда я снова глянул в Зелёное Стёклышко, тормозить было поздно...

Меридиан уходил прямо в распахнутое окно небоскрёба. Окно великанской пастью неудержимо надвигалось на нас! Вернее, мы летели в него!

А там стоял стол. А на столе тарелки. А рядом с тарелками — бутылки, рюмки, вазы, бокалы. И ещё что-то, чего я рассмотреть не успел.

И мы врезались прямо в середину стола.

Мы вылетели из сундука, словно камешки из рогатки.

Причём Коко угодил в золотую тарелку с гречневой кашей!

Ужасный гром наполнил просторную комнату, не хватало только молнии! Толстенная сильная рука с бриллиантами на пальцах подхватила меня за воротник, петуха за шею и обоих подняла над золочёным полом.

Мы оказались нос к носу с разгневанным господином. У него были широченный рот, рачьи глаза и щетинистые усы-кисточки.

И огромный живот!

Не живот, а брюхо. Такое огромное брюхо, как будто в нём находилась цистерна с квасом.

— Извините... — начал я объясняться сдавленным голосом.

— Ко-ко-ко... — хотел извиниться петух.

Но пузатый господин рывкнул так, что оставшаяся неразбитой стеклянная посуда разлетелась вдребезги, а в комнату ворвались двое полицейских с пистолетами, с длинными саблями, с мотками бельевых верёвок у пояса.

Они во всём подражали своему господину.

Они так же, по-рачьи, таращили глаза. Они имели точно такие же усы-кисточки. И даже круглые животы у них выпирали совсем как у хозяина. Но у одного живот был настоящий, а у второго сделан из подушки. Подушка выгля-

дывала из-под мундира, в подушке была дырка, пух сыпался из неё на пол.

— Обыскать и допросить! — рявкнул господин.

Полицейские отдали честь и принялись за дело. Первый начал обшаривать меня и петуха, а второй, тот, что с поддельным брюшком, раз-раз-раз, по-собачьи стал рыться в сундуке.

Там всё трещало и рвалось. Полицейский ничего не жалел. Он спешил исполнить приказ и не соображал, что делал.

Но вот он увидел наш маленький багряный флажок, закричал: «О ужас!» — выпалил из пистолета вверх и упал в обморок.

Белый пух взвился над ним лёгким облаком.

Господин сверкнул на флажок рачьими глазами, испуганно раскрыл рот, тоже упал в обморок.

Хотел упасть в обморок и второй полицейский, но раздумал. Он только покачался, пошлёпал губами, схватил со стола кувшин, глотнул воды и успокоился. А остатки воды выплеснул на хозяина и на своего товарища.

Полицейский с подушкой очнулся, быстро захлопнул сундук, задвинул его под стол.

Пузатый господин поднялся и заорал громче прежнего:

— Связать, запереть, не выпускать!

И вот с грохотом, звоном полицейские поволокли нас куда-то вниз по крутой лестнице, а сундук остался под столом.

— Мы вам покажем, — пыхтел один полицейский.

— Мы вам покажем, — шипел второй и дышал на меня чесноком.

Но я думал только о том, чтобы не обронить Зелёное Стёклышко, зажатое в кулаке. Потеряв его, мы потеряли бы Серебряный Меридиан, а может быть, и большее...

Железные ступени лязгали под сапогами полицейских. Гулкое эхо испуганно металось в лестничной клетке. По всему было видно, что нас тащили в тюрьму.

Я кричал в похожее на пельмень ухо полицейского:

— Мы будем жаловаться! Мы будем жаловаться! Пустите...

Но мимо проносилась только глухая каменная стена, а сам я лежал вниз животом на плече разгневанного стража. И вдруг я почувствовал себя свободным. Меня никто не держал.

Оказывается, пока я кричал о справедливости, капитан Коко ловко извернулся и клюнул своего охранника в глаз. Тот ойкнул и выпустил петуха из рук. Второй полицейский бросился за петухом и выпустил меня.

И мы рванулись вниз по лестнице впереди орущих полицейских.

Коко — лётom, а я — вприскокu через три ступени!

Теперь лестница уже не грохотала, а звенела от моих прыжков! Её железные ступени радовались нашей удаче!

Лестница желала нам свободы, а вот и распахнулась дверь на широкую шумную площадь...

Теперь мы были не одни! Горожане помогут нам!

Но что это? Небоскрёб окружали разодетые, гладко выбритые, разутюженные зеваки. Одни гордо восседали в собственных автомобилях, другие, разинув рот и отпихивая друг дружку, заглядывали в окна. Они вздыхали:

— Ах, бронзовая люстра в тысячу килограммов весом!

— Ох, ночная посудинка с мельхиоровой крышечкой...

— Оё-ёй! Сервант из бим-бам-бонской ели! Нам бы такой...

— Ах-ах-ах! Ох-ох-ох! Живут же люди...

Ну что можно ожидать от этакoй публики? Ровным счётом ничего. Все они были прихвостнями усача-богатея, и мы постарались поскорее проскользнуть мимо их автомобилей. А стук полицейских сапог раздавался уже совсем рядом.

Но кривой полицейский не мог двигаться на большой скорости: его то и дело заносило в сторону. А полицейский с подушкой забегать вперёд не хотел. Он желал сохранить оба глаза.

И всё же, когда полицейские выскочили на улицу и стали кричать: «Держи их!» — наши дела обернулись неважно.

Все зеваки тут же сели в автомобили и помчались за нами в погоню.

Теперь мы бежали узкой, как ущелье, улочкой и ни-

куда не могли свернуть. Слева и справа темнели витрины запертых магазинов, а сзади орала, свистела, улюлюкала, визжала и выла погоня.

Лишь впереди было пусто. Там лежали угрюмые тени небоскрёбов да спросонок таращилась в небе жёлтая луна. Она, должно быть, думала: «Теперь двух маленьких букашек внизу может спасти только чудо»...

Глава пятая

ЧУДЕСА В ПОДВАЛЕ

А потом стало ещё хуже!

Впереди показался дорожный каток.

Тарахтя мотором, он встал поперёк узкой улицы.

Он заткнул её надёжней, чем пробка затыкает бутылку.

— Западня! — вскричал я и заметался.

— Ловушка! — ахнул петух и шлёпнулся на тёплый асфальт.

Но мотор заглох, вдруг послышалось:

— Ребята, сюда! Ко мне!

За рулём сидел Машинист в синем комбинезоне. Его лицо блестело от машинного масла. Он попыхивал сигареткой и улыбался. Он перетащил нас на другую сторону катка и шепнул:

— Впереди люк! Ныряйте в него. Да не забудьте прихлопнуть крышку. А я задержу погоню!

Недалеко от катка действительно зиял раскрытый люк. Мы проскользнули туда, и в это время вой погони утих: автомобили зевак и полицейские наткнулись на тяжёлый дорожный каток.

Мы захлопнули крышку люка, по пыльному наклонному жёлобу съехали вниз и очутились в самой настоящей пекарне. Там дышала жаром большая электрическая печь, горой высились мешки с мукой. Жёлоб, по которому мы въехали в пекарню, был сделан как раз для того, чтобы спускать сюда мешки.

Румяный курносый Пекарь с кудрявою бородкой месил тесто.

Тесто вздыхало, пучилось, лениво переваливалось по доске, а Пекарь поддавал ему ладошками под бока, напевал:

Нет работы веселей,
Чем у нас, у пекарей!
Нам везде почёт и место
Потому, что месим тесто,
Потому, что мы в печи
Печь умеем калачи!

Пекарь притопнул, присвистнул, хотел пуститься вприсядку, но раздумал и только добавил:

А ещё мы преотлично
Печь умеем хлеб пшеничный,
И за это всех подряд
Люди нас благодарят!

Пока звучала песенка, в подвал откуда-то проникла оса. Она подлетела к Пекарю и стала жужжать у него над ухом.

— Ну тебя, Зиньзелла,— добродушно отмахнулся Пекарь.— Вечно ты со своими выдумками!

Но оса упрямо кружилась на одном месте, продолжая жужжать. Тогда Пекарь обернулся, увидел нас и от удивления всплеснул руками. Тесто бухнулось на пол.

— Ты права, Зиньзелла. У нас гости!

Коко и я сидели возле жёлоба, всё ещё не могли отдышаться.

— Откуда вы, малыши? — спросил Пекарь и подошёл к нам. От него пахло горячими кренделями и ванилью. Его голос был таким же мягким и приветливым, как у нашей бабушки.

— Оттуда,— показал я на люк.— Нас прислал Машинист Дорожного Катка.

— Так, значит, на самом деле за вами гонятся полицейские и Машинист остановил их! Так это, значит, правду нажужжала мне матушка Зиньзелла! — всполошился Пе-

карь.— А я-то, глупец, подумал, что она решила меня разыграть!

— Ты никогда мне не веришь,— обиженно прозвенела оса, а Пекарь засуетился, начал оглядываться.

— Надо что-то решать! Надо куда-то вас укрыть! Придумал! — хлопнул он себя по лбу.— Петух залезет в пустую квашню, а мальчик оденется пекарёнком.

И в один момент месье Коко, brave капитан, замечательный генерал, оказался в квашне и был закрыт деревянной крышкой. А на мне, как на вешалке, повисла белая куртка Пекаря. Но я подвернул повыше рукава, и получилось как нельзя лучше.

— А теперь,— сказал Пекарь и сунул мне в руки тёплый калач,— извини, брат, но я должен бежать на помощь к Машинисту.

Пекарь выключил печь, схватил дубовую скалку и побежал к двери.

— И я с вами... — кинулся было я за Пекарем. Но тот ответил, что малыши для горячих дел не годятся, и захлопнул за собой дверь.

Мы остались вдвоём с Зиньзеллой. Если, конечно, не считать капитана. Но тот сидел в квашне — и ни гугу. От волнения он потерял голос.

Я разломил калач, половину сунул в квашню петуху, а другую хотел разделить с матушкой Зиньзеллой. Но она ответила, что предпочитает фруктовый сок да сахар, и мне пришлось ужинать в одиночку.

Я сидел на мешке с мукой, отщипывал от калача мякиш и вздыхал.

— Не печалься,— сказала оса.— Всё будет хорошо.

— Но ведь наш сундук остался в небоскрёбе. А как мы уедем без сундука? — сокрушался я.

— Ты ошибаешься! Сундука в небоскрёбе нет. Его спрятали в саду, рядом с главным фонтаном. Так распорядился Жабиан Усатый, когда вас утащили полицейские. Я всё видела, я всё слышала. Я была в небоскрёбе, когда вы упали на стол с посудой. Я прилетала туда, чтобы взять немножечко апельсинового соку.

— А кто такой Жабиан Усатый? Неужели тот сердитый господин?

— Он самый.

— Но почему у него такое странное имя?

Зиньзелла даже всплеснула крылышками:

— Странное? Ничего не странное. Ты и представить себе не можешь, какой он скверный тип! Знаешь, что он придумал однажды?

— Что? Какую-нибудь бомбу?

— Хуже. Он решил взять к себе на злодейскую службу всех зверюшек и таракашек!

— Неужели?

— Ха! Неужели... Если я говорю, так, значит, правда. Ежам он сказал: колите прохожих иголками в босые пятки! Ужей он подучивал забираться к ребятам в постели! А лягушатам приказал прыгать в кружки с молоком...

— Ну да! — не поверил я и поёжился.

— Вот тебе и да! Он и наш осиный рой приглашал к себе на службу.

— И вы согласились? — испуганно кукарекнул из квашни Коко.

— Вот ещё! — сердито прожужжала оса. — Не на таких дураков напал Жабиян! Я сама, своим собственным жалом так ткнула злодея в глаз, что он десять дней не выходил из небоскрёба.

— А ужи и ежи? Что они сделали?

— А ужи, ежи и лягушата в это время удрали кто куда. Кто в лес, кто в овраг. А мы, осы, с тех пор живём здесь, в подвале, у доброго дядюшки Пекаря.

— А где живут здешние куры и петушки? — опять высунулся из квашни Коко. — Разве нет здесь поблизости куриного городка?

— Да, да! Расскажите нам, пожалуйста, о здешних куриных делах, — поддержал я товарища. — Нам обязательно нужно про них всё узнать, ведь мы же ищем куриную столицу Валяй-Форси.

Но только Зиньзелла собралась рассказывать о курах и петушках, как дверь пекарни затрещала и затряслась под тяжёлыми ударами. Так стучать могла только полиция!

Я выпустил калач из рук.

— Открой,— шепнула оса.— Иначе они высадят дверь.

Я почерпнул пригоршню муки, размазал по лицу и откинул засов.

В пекарню ввалилась ватага полицейских. Командовал ими наш знакомый с подушкой под мундиром. А кривого с ними не было. Скорее всего он лежал в больнице.

— Обыскать! Допросить! — попытался рывкнуть старший полицейский, но у него получилось совсем не так, как у Жабиана: голос у полицейского был сиплый, словно он объелся мороженым.

И тем не менее помощники его послушались и начали кряхтя переваливать мешки с мукой. Как будто бы кто мог залезть между ними!

А их командир уставился на меня и спросил:

— Эй ты! Пекарёнок! Не было ли здесь мальчишки с петухом?

— Нет, ваше превосходительство, никакого мальчишки с петухом я не знаю.

— Не знаешь? А почему твой хозяин Пекарь полез в драку с полицией, тоже не знаешь?

— Также не знаю,— едва пролепетал я, потому что во мне всё похолодело. Неужели Пекаря забрали? Неужели из-за нас попал в тюрьму хороший, добрый человек?

Тут один из полицейских завопил:

— Петух! — И все кинулись к раскрытой квашне.

Но я как можно спокойнее сказал:

— Это не тот петух. Этого петуха Пекарь купил для начинки в пироги.

— В самом деле? — не поверил старший.

— В самом деле. Можете убедиться.

Я растолкал полицейских, шепнул петуху: «Не шевелись!» — и поднял его за лапу:

— Видите? Он уже не дышит.

Петух и вправду висел как неживой.

Полицейский прищурился, покрутил около капитана Коко носом, принялся и медленно произнёс:

— Да-а... От него даже чуть-чуть пахнет.

И полицейский хотел было идти восвояси, но вдруг что-то сообразил и вытащил саблю.

— Он, конечно, неживой, но в этом надо убедиться ещё раз. Дай-ка я его...

Капитан вздрогнул, и тут я увидел Зиньзеллу. Она пулей сорвалась с мешка, подлетела к полицейскому и, звеня крылышками, нависла над его левым глазом. Полицейский изменился в лице, опустил саблю, просипел:

— Пожалуй, и так видно, что петух не совсем живой. Пожалуй, можно считать, что обыск закончен...

— Во-о-круг! — робко произнёс он вместо «кругом» и на цыпочках удалился из пекарни. Его сослуживцы, таращась на Зиньзеллу, выкатились вслед за начальником.

Атака врага была отбита успешно. Оживший Коко забрался на старое место, но всё равно радости в нашей победе было мало: из головы не выходили мысли о Пекаре.

— Если его и посадили, — пыталась утешить меня оса, — если его и арестовали, он всё равно не пропадёт. Не такой это человек! С ним это случалось не раз, и тем не менее он всегда возвращался в пекарню.

Так, за разговорами, проходила ночь. А Пекарь всё не возвращался. И каждому из нас было понятно, что без Пекаря в этой стране нам несдобровать.

Глава шестая

ДВА ПУШЕЧНЫХ ВЫСТРЕЛА

И всё-таки на рассвете Пекарь вернулся!

Он распахнул дверь, и вместе с ним в пекарню вошли:
бодрость,
веселье,
хорошее настроение!

А следом за этой компанией порог перешагнул...

Ну, конечно, Машинист Дорожного Катка!

Он был по-прежнему в синем комбинезоне, по-прежнему дымил сигареткой, и лицо его всё так же темнело, но... совсем не от машинного масла! Машинист был негр! Белозубый, смуглый, высокий негр, и притом не менее весёлый, чем Пекарь.

Коко негров никогда не видел и растопорчил крылья. Но потом решил, что и так слишком многому здесь удивлялся, и поэтому обошёлся тем, что шаркнул вежливо лапой, отвесил Машинисту поклон. Машинист ответил петуху тем же. Всем стало смешно и легко. Несчастья как будто бы остались позади.

— Ну, дядюшка Пекарь, — подлетела оса, — как вы на этот раз выпутались?

— Всё так же, — улыбнулся Пекарь. — Наплели с три короба всякой чепухи — и нас выпустили! У нас ведь сажают за правду, а за враньё — никогда. Не так ли?

— Так-то так, да что вы им сказали?

— Что сказали? Ой, мы им сказали... — И тут Пекарь не удержался: — Ха-ха-ха-ха!

А Машинист басом подхватил:

— Хо-хо-хо-хо!

И мы ничего не могли понять, пока друзья не нахохотались. А потом Пекарь передохнул и договорил:

— Мы сказали, что потерялась главная гайка и мотор заглох! А гайку-то Машинист спрятал! Машинист, покажи ребятам гайку...

Машинист вынул из кармана гайку и показал нам. И тут, конечно, мы тоже все стали хохотать до упаду. А петух так разошёлся, что вдруг попросил у Пекаря открытку и карандаш.

Открытки не нашлось, но лист бумаги, конверт и огрызок карандаша петух получил. Он перевернул вверх дном квашню, разложил на ней бумагу, сказал:

— Эх, очки-то в сундуке остались! — и стал писать ужасным почерком:

Вот так и писал
до тех пор, пока
не кончился
карандаш.

Потом сложил испачканный каракулями листок, засунул в конверт.

— Слушай,— сказал я петуху.— Не позорь себя и меня. Хоть ты и петух, но написал письмо как курица лапой. Такое письмо никто не сможет прочитать, даже соседский Васька. Его не примут ни на одной почте.

— Ну и пожалуйста! — обиделся Коко.— Не больно-то надо! Могу и не посылать. Только, когда приедем домой, скажу, что письмо не послал из-за тебя.

И тут мы чуть не поссорились, но вмешался Машинист:

— Коко, ты хороший парень, и ссориться из-за пустяка не надо. Куры не обидятся на тебя, когда ты им расскажешь про свои приключения. И давайте не терять времени, а поскорее найдём и выкопаем сундук. У нас на всё про всё остался один час! Вот-вот ударит первая пушка...

— Какая пушка? — испугался Коко.

— Видишь ли, у нас в стране запрещён багряный цвет. Цвет вашего флажка. Ведь из-за флажка вас и ловят, а не потому, что вы разбили посуду. Тех, кто бьёт посуду и стёкла в окнах, здесь не трогают. А вот багряный цвет — это преступление...

— Почему преступление? Чем он плох? И при чём тут пушка? — не понял я.

— А вот при чём. Когда простой народ придёт к небо-скрёбу и поднимет флаг багряного цвета, Жабиану Усатому и его друзьям настанет конец. Поэтому Жабиан и запретил багряный цвет. Здесь нигде не найдёшь такого и пятнышка. Запрещено зажигать костры, свечи, факелы, керосиновые фонари, топить печи дровами. И всё потому, что языки пламени имеют багряный оттенок.

— Совершенно верно! — подтвердил Пекарь. Уж он-то понимал толк в печах и в оттенках огня.

— Но утреннюю зарю запретить нельзя. А ведь она тоже багряная. И Жабиан приказал на заре никому не выходить из дому, не поднимать занавесок, не открывать глаз. Даже полицейским. Чуть заря начнёт заниматься — раздаётся первый пушечный выстрел, а когда она догорает — второй пушечный выстрел. Вот при чём тут пушка, — закончил Машинист Дорожного Катка.

— И от первой до второй пушки мы должны выкопать сундук,— добавил Пекарь.

В это время на самом деле где-то бабахнуло.

И мы заторопились к выходу.

Тут я спохватился, что Пекарь и Машинист опять рискуют из-за нас, и спросил:

— А вы-то ведь сейчас запрет нарушите?

Но Пекарь и Машинист улыбнулись:

— А нас это не страшит. Мы давно привыкли прогуливаться под Багряной Зарёй. Верно, Зиньзелла?

— Верно,— откликнулась она.— Весь город сейчас закрыл глаза, и нас никто не увидит и никто не услышит, если не стучать каблуками.

И мы шли, не стуча каблуками.

И никто нас не видел, никто нас не слышал.

Город как будто оглох и ослеп.

На каждой витрине, на каждом окне, даже на чердачных отдушниках висели плотные чёрные шторы.

Крепко привязанные, крепко приколоченные, пришпиленные, прикнопленные, приклеенные.

Ни один самый тоненький лучик Багряной Зари не мог пробиться за эти шторы. Она вся, полыхающая в полнеба, оставалась на улице. Её не впускали ни в один дом. Даже через замочные скважины. Каждая скважина была заткнута аккуратно свёрнутой бумажкой.

И это доказывало благонадёжность всех здешних обитателей.

Впрочем, не всех... Рядом с нами шагали два самых лучших жителя этой страны!

Я шёл и думал: «Вот какие у нас отличные друзья! Они стараются для нас, но и мы их не подведём...» Да только я так подумал, как петух вдруг раскрыл клюв, вытаращил глаза и отчаянно замахал крыльями.

— Что с тобой? — кинулись мы к нему.

— Ой, держите меня! Ой, закройте мне клюв! А не то я запою... А не то я взлечу на крышу! — сипел он.— Ой-ой! На заре я должен петь! Ой-ой! От этого мне никуда не деться...

— Только посмей! Только посмей! — зашипел я на петуха. — Ты же всех нас выдашь!

Но разве можно словами унять утреннее петушиное «кукареку»? Конечно, нет! Это ведь всё равно что сказать исправным часам: «Не тикайте!»

И наверняка петух бы загорланил, наверняка переполошил бы весь город, если бы Пекарь не догадался сбросить с себя куртку и наглухо запеленать ею Коко. Плотная куртка не пропускала звуков, и петух под ней отлично прокукарекался. Когда ему стало легче, он спросил Пекаря:

— А как же здесь кукарекают другие петухи?

— Другие петухи здесь не кукарекают. Здесь держат только безголосых петухов, — ответил Пекарь.

И вот перед нами отвесной скалой поднялись стены главного небоскрёба. Его окна тоже были наглухо занавешены изнутри и снаружи. Мы обошли небоскрёб и оказались около садовых ворот. Приоткрытые створки тяжело врезались в песок, между ними вполне можно было бы протиснуться, но почти у самого входа стоял полицейский.

Он опирался на ружьё со стволом в виде оркестровой трубы, на поясе у него висел пакет с солью для зарядов. Он спал. Багряная Заря светила ему прямо в лицо.

— Дрыхнет на посту, — шепнул я Пекарю.

— Не дрыхнет, а выполняет приказ, — ответил тот чуть слышно.

Полицейский на самом деле выполнял приказ.

Он не спал. Он только закрыл глаза.

Пекарь подмигнул нам, и мы тихонько пролезли в ворота.

Главный фонтан мы нашли сразу. Это был круглый бассейн, посередине которого стояла медная позеленевшая фигура самого Жабиана Усатого. Медный усач держал огромную медную бутылку с надписью «Пейте лимонад!», а из бутылки со свистом вылетала вода.

Фонтан так шумел, что мы могли разговаривать полным голосом, не боясь себя обнаружить.

Зиньзелла облетела вокруг фонтана, села на куст шиповника:

— Здесь!

Машинист раздвинул колючие ветки, и мы увидели наш великолепный сундук. Он цел и невредим! Только вещи перемешаны так, что не поймёшь, где что лежит. Но это беда поправимая. Главное, что мы могли ехать дальше. Оставалось только увидеть Серебряный Меридиан.

Я взял Зелёное Стёклышко и глянул. Меридиан был на месте. Всё такой же. Чуть искрящийся, шириной как раз для сундука. Пронзив небоскрёб из одного окна в другое, он проходил над садом. Около нас он даже чуть-чуть опускался.

Машинист сказал:

— Поспешим, ребята! Скоро снова ударит пушка!

Мы подхватили сундук и побежали к Меридиану.

— Прощайте! — сказал Пекарь и грустно-грустно улыбнулся.

— Счастливого полёта! — сказал Машинист, и у него погасла сигаретка.

Я достал со дна сундука багряный флажок:

— Возьмите, пожалуйста, на память.

— Не надо! — сказали Машинист и Пекарь. — Для нас он слишком маленький. Когда настанет время, мы сделаем большой флаг. А на память нам пусть останется письмо капитана Коко, раз уж оно не отправлено. Мы иногда будем его перечитывать и вспоминать вас. Это очень хорошее письмо.

— Правда, хорошее? — встрепнулся совсем было погрустневший петух.

— Ну конечно. Оно же написано от чистого сердца! — И два друга, два добряка потихоньку пошли к садовым воротам. Вскоре они исчезли за медной статуей с лимонадной бутылкой, из которой лилась всего-навсего простая вода.

Вслед за приятелями, помахав нам крылышками, улетела оса Зиньзелла.

Я раскрыл бабушкин зонт и поставил его утреннему ветру. Сундук тронулся. Неведомые страны с потерявшимся где-то Валяй-Форси снова понеслись нам навстречу.

И в это время ударил второй пушечный выстрел. Здешние жители получили разрешение вынуть бумажки из замочных скважин.

Глава седьмая

НА ВАХТЕ ОБ ОСЬМИНОГАХ НЕ ДУМАЮТ

Мы вновь догоняли уходящий горизонт.

Внизу бежали друг за другом волны океана. Впереди полыхали два ярких солнца: одно — настоящее, другое — отражение на волнах.

От солнечного блеска, от свежего ветра кружилась голова. Очень хотелось спать: мы уже вторые сутки не смыкали глаз.

— Коко! — сказал я. — Давай бросим жребий, кому спать, а кому стоять на вахте. Потом поменяемся.

— Совершенно верно! — откликнулся петух. — Но никаких жребиев! Поскольку я капитан, то на первую, самую трудную вахту назначаю себя. Давай Зелёное Стёклышко и заваливайся. Только что бы такое придумать, чтоб не скучать на вахте?

— Ну, это проще простого! Под нами океан, в океане живут осьминоги... Ты слышал что-нибудь про осьминогов?

— Осьминог, осьминог, съел у бабушки пирог! — засмеялся петух и ответил: — Что-то такое слышал от соседского Васьки, да забыл.

— Ну вот! А я не только слышал... Я даже отгадывать принимался:

Для чего же осьминог
Отрастил так много ног?
Может быть, он самый ярый
Футболист в морской стране?
Но для этого и пары
Ног
Достаточно
Вполне!

Может, любит он галопом
Вдоль по берегу скакать?
Но коня-четверонога
Осьминогу не догнать!
Может, стал он
Чем-то вроде
Сухопутного жука?
Но жуки-то ходят-бродят
На шести ногах пока!
У него же — целых восемь!
И когда его мы спросим:
«Ну зачем вам, осьминог,
Столько ног?» —
То, наверно, он ответит:
«Я и сам давно заметил —
Восемь
Вовсе
Ни к чему!
Я на трёх
Ногах
Ходил бы,
Остальные подарил бы,
Но кому?»

Вот сиди и думай, почему у осьминога восемь ног и кому он мог бы пять из них подарить,— сказал я и улёгся спать.

Сквозь дрему до меня доносилось петушиное бормотание:

— Ну зачем вам, осьминог, восемь ног...

А затем я уснул. И сколько времени спал — не знаю. Только когда проснулся, сразу услышал всхлипывания.

«Что-то случилось!» — подумал я, вскакивая, и увидел жуткую картину.

По небу неслись чёрные лохмотья туч. Внизу бушевали, грохотали, бухали огромные водяные валы. Холодные брызги долетали до нас.

Петух, постанывая, сидел в углу, а сундук завалился набок.

— Капитан! Что произошло?

— Я... — прошептал петух. — Я... очень... очень задумался об осьминоге и... и...

— Что «и»?

— И обронил Зелёное Стёклышко! — Петух показал за борт.

У меня встали торчком волосы.

Я не знал, что делать. Ругать петуха? Но этим не можешь, да я и сам виноват: взял да и подсунул вахтенному глупейшую осьминожкой загадку. Разве можно думать на вахте об осьминогах!

А сундук под боковыми ударами ветра начал сползать с Меридиана.

Он так накренился, что мог вот-вот перевернуться. И без стёклышка невозможно было разглядеть, куда направить сундук.

Вот ударил ещё один порыв ветра, петух крикнул: «Ой!» — и мы повалились.

«Прощай, Страна Моего Детства!» — подумал я и закрыл глаза. Но, к счастью, наш зонтик-выручалочка недаром был похож на парашют. С ним я очень удачно приводнился, вернее, при-сун-ду-чился. Я опять угодил прямёхонько в сундук, который качался на волнах, как лодка.

— Ура! Живём! — закричал я и огляделся.

И опять мои волосы поднялись торчком!

И не только поднялись, а зашевелились, потому что... петуха... в сундуке... не было!

Я заревел. Я заголосил так, что, наверное, заглушил бы пароходную сирену, если бы она гудела даже рядом. Но пароходов поблизости не было, а мой товарищ, мой капитан Коко погиб в бездонной пучине. Это точно. Это несомненно. Ведь петухи плавать не умеют.

Я представил себе, как зубастые акулы подбираются к несчастному капитану, как тарашатся вокруг него пуче-

глазные крабы, и залился слезами ещё сильнее. Залился и стал вглядываться: не плывут ли где хоть петушинные пёрышки? Но всё было напрасно. От Коко не осталось и пёрышек...

А буря не унималась.

Волны швыряли сундук то вверх, то вниз. Его начало захлёстывать, и мне пришлось лечь и опустить крышку. Так было безопаснее.

Я оставил только маленькую щёлку для зонтика, и штормовой ветер наполнил его. С грустью я покинул печальное место, где потерял друга. Не исполнилась его мечта, не удалось ему доехать до города Валяй-Форси...

Буря уносила меня всё дальше и дальше. Сундук швыряло из стороны в сторону, как на качелях. Штаны и майка на мне вымокли. Да и вообще, чем дальше я плыл, тем становилось холоднее и холоднее.

Однажды под крышу залетела снежинка, и я подумал, не обратно ли к Северному полюсу уносит меня. Не раскрывая сундука, я натянул на себя всю одежду, которая нашлась под рукой, и, очень грустный, очень одинокий, ждал, когда кончится буря.

Утихло только к вечеру. Лишь тогда я осмелился отбросить крышку сундука и оглядеться.

Океан по-прежнему был тёмным, угрюмым. Небо хмурилось. Но далеко впереди опять стало проблёскивать солнышко, и под его лучами на горизонте что-то белело, поднимаясь из воды.

«Не то земля, не то облако», — гадал я и всматривался в белое пятнышко.

Оно заметно росло, оно приближалось, и скоро я увидел огромную гору, покрытую снегом и льдом. Рядом возвышались другие горы, поменьше, но и они были укрыты снегами.

Прибой лизал крутые склоны, обламывал их, на побережье грудилось ледяное крошево.

Недалеко от берега плавали айсберги — великанские ледяные глыбищи. Полупрозрачные, голубоватые, они отражались в притихшем океане, как стеклянные дворцы.

И повсюду — на айсбергах, на льдинах, на берегу — суетились потешные чёрно-белые фигурки, удивительно похожие на маленьких музыкантов во фраках.

И я понял, что ветер затащил меня не на Север, но в такое место, где несколько не теплее и не лучше.

Я понял, что передо мной Антарктида — страна пингинов. Я поёжился и сказал сам себе:

— Ну вот, бабушкин внук! Ты удрал от полиции, вышел почти сухим из океана, но теперь погибнешь от холода и голода среди айсбергов и снегов.

И тут мне послышалось, что где-то кто-то кричит.

Я огляделся и увидел на волнах — нет, нет, не пингвина! — а настоящего, живого капитана Кюко.

Я подумал, что с горя мне мерещится, ущипнул себя за ухо, но в открытом океане в самом деле кричал петух!

Он плыл! Он из последних сил подгрёбал к сундуку

Я тоже чем попало — руками, ногами, зонтом — стал

грести навстречу, схватил петуха за гребень и втащил в сундук. И сразу понял, почему он не утонул.

Он приплыл в калоше.

Да, да! В огромной старой калоше из той самой пары, которую бабушка весной надевает на валенки. Калоша во время аварии выпала из сундука, петух забрался в неё и остался жив.

Мы так радовались встрече, что даже забыли о своей беде. Мы сразу же дали друг другу слово никогда не загадывать и не отгадывать загадок на вахте. Особенно про осьминогов. И всегда быть начеку, чтобы опять где-нибудь не влопаться в неприятность.

Но, вы думаете, петух после этого посмирнел?

Нисколечко!

Как только он разглядел пингвинов, сразу же засуетился, заволновался.

— Смотри! Смотри! Там птицы! Там одни только птицы! Они приветствуют нас! — орал он с прежним азартом. — Смотри! Они машут нам крыльями! Ведь это же чудесно! Ведь это же... — И тут Коко так уставился на меня, будто в голову ему пришла гениальная мысль.

Он несколько мгновений беззвучно раскрывал клюв, потом выпалил:

— Слушай! Ведь это Валяй-Форси! Я уверен — это Валяй-Форси! — И он так обрадовался, так запрыгал, что снова чуть было не угодил за борт.

— Дружище! — горланил он. — Одолжи мне свой городской костюм! Я так обтрепался за дорогу, что и птицам показаться стыдно. У меня, наверное, такой вид, что и куры не признают.

Вид у петуха был действительно не из лучших: от холода гребешок посинел, перья топорщились.

Я не стал его расстраивать, а молча скинул пиджак и укутался шалью.

Месье Коко, не теряя времени, начал готовиться к выходу на берег.

Со дна сундука он выкопал и разложил перед собой все фантики от конфет, картонку с пуговицами, два обрывка бус и полдюжины старых значков. А потом, как будто примеряясь, глянул на мои брюки... Но я быстренько заты-

нул ремень потуже, и петух стал наряжаться в то, что имел.

Сначала он облачился в пиджак, подвернув и пришпилив булавками рукава и полы. Затем развесил на груди и животе значки, бусы, пуговицы и фантики.

Издали вся эта мишура вполне смахивала на ордена, бусы выглядели как цепочки от часов, и петух был очень доволен.

А кончив наряжаться, он придирчиво осмотрел свои синие от холода лапы, вздохнул и произнёс:

— Как жаль, что не захватили сапожный крем. Надо было бы почистить сапоги.

Я раскохотался, но петух даже не взглянул на меня. Все его мысли были там, на берегу.

Глава восьмая

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ИМПЕРАТОРСКИХ НАСЛЕДНИКОВ

Высадка прошла удачно. Я нашёл спокойную бухточку и привязал сундук пшпгатором к большому обломку льдины.

Капитан ступил на берег первым. Важный, разодетый, разукрашенный, он направился прямо к пингвиньей толпе. И, как только поравнялся с нею, залихватски крикнул:

— Здорово, братцы! Привет вам, славные жители Валай-Форси! А где же куры? Они что, стесняются меня?

Пингвины удивлённо развели крыльями и уставились круглыми глазами на петуха.

Конечно, человеческого языка они не понимали, а петух продолжал им хвастливо кричать:

— Что же вы молчите, братцы? Разве вам не нравится мой генеральский мундир? — И повернулся так, что все украшения сверкнули и звякнули.

С начищенных значков едва не сыпались искры.

На снегу среди чёрно-белых птиц Коко полыхал, как маленький пожар. Наверное, он думал, что ошеломлённые пингвины застынут перед ним в глубоком поклоне.

Но произошло совсем другое!

Пингвины постояли-постояли, поглядели-поглядели, потом вдруг выстроились перед петухом в очередь, как перед ящиком с эскимо, и сделали то, чего не ожидал даже я...

Они — тюк! тюк! тюк! — начали склёвывать с петушиной груди фальшивые ордена.

Первый пингвин склюнул самый большой фантик-орден, проглотил и отошёл в сторону.

Второй склюнул фантик поменьше, проглотил, постоял и тоже отошёл в сторону.

И так, друг за другом, не толкаясь, не спеша, пингвины клевали до тех пор, пока на длинном пиджаке петуха не осталось и бусинки.

Петух стоял как вкопанный. Станный приём настолько его опарашил, что он и одного разика не ворохнулся. И только в самом конце, когда с него срывали последний значок, он не то прокаркал, не то прококовал:

— Гр-р-р-р!

Очевидно, он хотел крикнуть: «Гр-рабят!» — но от страха сбился с человеческого языка на птичий...

И тут пингвины сразу его поняли!

Они снова плотной толпой окружили Коко и, перебивая друг друга, взволнованно стали что-то по-птичьи говорить, говорить, говорить. А Коко тоже их понимал, тоже что-то им рассказывал, кивал то на меня, то на сундук, и пингвины поднимали крылья, как будто вскрикивали: «Ах, какой страх! Какие вы бедняги!»

В этом месте я должен сделать пояснение.

Я должен предупредить: всё, что потом говорили пингвины, мне пересказывал капитан Коко. Сам я пингвинов не понимал. В своё время я плохо усвоил иностранные языки, а птичий не учил совсем. И поэтому заранее прошу: если в моём рассказе о пингвиньих делах что-то покажется неправдоподобным, то в этом виноват Коко, мой переводчик.

А теперь продолжаю...

Петух оживлённо толковал с пингвинами, а я стоял в сторонке на холодном ветру и терпеливо ждал, чем закончатся переговоры.

Наконец птичий галдёж утих, пингвины, бережно поддерживая петуха под крылья, подвалили всей толпой ко мне. Двое из них, самые рослые, вежливо кивнули носами и, как бы приглашая меня, показали на заснеженную, уходящую к небу скалу. Я принял приглашение и поплёлся вслед за птицами. Под скалой, между гранитными глыбами, оказался вход в уютную пещерку с песчаным полом. С потолка свисали прозрачные ледышки, но, по сравнению с берегом, здесь было теплее.

Ветер сюда не проникал.

Мы вошли в пещерку, а пингвины разом повернулись и вперевалочку побежали назад, к морю.

— Сейчас будут угощать! — сказал Коко.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ними говорил! Они знают, что мы голодны.

— А ещё о чём вы говорили? Почему они склевали твой орден?

— Об орденах мне пока ничего неизвестно. Я спешил выяснить главное.

— Что главное? — так и бросился я к петуху. — Как нам отсюда выбраться, да?

— Ну, не совсем это... Первым делом я узнал, нет ли поблизости городка Валяй-Форси, — самым серьёзным тоном ответил петух.

И тут моё терпение лопнуло.

— Петька! — закричал я. — Ты окончательно помещался на своём курином городке! Ты же прекрасно видишь, что мы вот-вот погибнем от холода, а сам тратишь драгоценное время на болтовню. О каком Форси может идти речь, когда кругом льды и снег? Снег и льды!

— Вот и я тоже так подумал, когда узнал, что городка нет, — ответил петух. — Ты зря кричишь. Выбраться мы сможем. Пингвины — отличные ребята. Они скажут Синим Кита́м — и те выручат нас.

— Каким Синим Кита́м? Синих Китов не бывает!

— А вот и бывает!

— А вот не бывает!

— А раз не бывает, то и не надо! И больше я ничего не скажу...— рассердился петух, и мы опять, как в пекарне, чуть не поссорились. Но на этот раз мирить нас было некому, и я сам взял себя в руки.

— Прости, Коко! Я погорячился. Будем считать, что Синие Киты бывают. Так что же ты о них узнал?

— А то узнал...— сердито пробубнил петух.— То узнал, что они дружат с пингвинами и приплывают по утрам сюда. И могут увезти нас к тёплым берегам.

Я запрыгал на одной ножке и закричал:

— Ура! Да здравствуют Синие Киты! Да здравствуют пингвины!

А капитан поправил меня:

— Надо говорить не просто пингвины, а Императорские Пингвины.

— Почему же императорские?

— Почему да почему! Откуда я знаю? — ответил Коко и показал озябшей лапой на море.

Там из воды на лёд выскакивали наши новые приятели — Императорские Пингвины.

Каждый из них держал в клюве по крупной рыбине, и каждый тащил свой улов к нам. Рыбы оказалось так много, что мы с петухом вполне могли бы прокормиться не один год. Но ни я, ни петух сырую рыбу по-пингвиньи глотать не умели, а в пещере не было огня. И мы поужинали кренделями, подсунутыми в наш сундук умницей Пекарем.

Хозяева, конечно, огорчились. Ведь они очень хотели сделать для нас что-нибудь доброе.

И вот, когда наступил вечер, когда мороз проник и в пещеру, они не пожалели своих пиджачков, и каждый выдернул по три, а то и по четыре пушинки. Получилась мягкая тёплая постель. Это спасло нас в морозную ночь.

Более того, когда все ушли спать, с нами был оставлен самый сильный, самый надёжный Императорский Пингвин.

Прежде чем уснуть, мы долго разговаривали с ним. Вернее, разговаривал месье Коко, а я слушал его пересказы.

Первым делом мы поинтересовались, почему так неожиданно были сорваны с петуха его побрякушки, и пингвин смущённо ответил:

— Да! Я понимаю, вас удивляет наш невежливый поступок. Но, поверьте, это ошибка! И если бы вы знали историю Императорских Пингвинов, если бы знали, почему мы, пингвины, называемся императорскими, то сразу бы перестали обижаться на нас...

— А мы и не обижаемся. Но историю услышать очень хотим. Это, наверное, интересно!

— Интересно-то интересно,— вздохнул пингвин и осторожно выглянул из пещеры: не подслушивает ли кто? — Интересно-то интересно, да секретно! Но, так и быть, я расскажу вам всё. Правда, история наша нигде не записана, и во всех подробностях её помнят лишь старики пингвины, но если верить им...

Если верить чудесам,
То Антарктикой когда-то

Правил честный император
По прозванью Только-Сам!
Очень вежлив,
Очень важен,
Соблюдая строгий тон,
В модном фраке цвета саж
Выходил к вельможам он.
В ослепительной манишке
Император щеголял...
Но — и всё!
В другом излишка
Ни себе и ни сынишке
Он ни в чём не позволял.
И бездельничать не мог он!
Выйдут слуги по утрам
Снег расчистить под порогом —
Он кричит:
«Нет, нет! Я сам!»
На обед дворцовый повар
Тушит рыбное рагу —
Император вновь:
«Ну, что вы!
Я кухарить сам могу!»
И спешит на побережье,
И, забыв про модный фрак,
Удит рыбку там прилежно,
Как совсем простой рыбак.
А потом на кухне гладит
Фрак горячим утюгом.
А потом шагает в садик
За наследником-сынком...
И, конечно, все вельможи
Возмущались:
«Это что же?
Господа! Ну, как же так?
До чего правитель дожил!
Слуг несколько не тревожит —
Не иначе он дурак!
Нет, с правителем таким
Жить мы больше не хотим!»

И вельможи
Ночью
Тайно
К императору вошли
И беднягу взяли в спальне
И на лёд поволокли.
Притащили,
Отыскали
Пострашнее глубину,
Раскачали
И сказали:
«Блямс!
Тони!
Иди ко дну!
Утопай в пучине... Вот как!
Нам не жаль тебя!»
Но... ах!
Император, словно пробка,
Всплыл в бушующих волнах!
Окунуться только рад он!
Рад поплавать между льдин!
Потому что император,
Этот чудный император,
Был, друзья мои,
Пин!
Гвин!
Настоящий,
Работающий
Чернохвостенький
Пингвин!

— Ну-у! Неужели пингвин? — обрадовался петух. —
А что он сделал потом? Как рассчитался с вельможами?

— Да рассчитываться и не пришлось. Вельможи так
всполошились, так застучали сапогами, что льдина тресну-
ла, и они — буль-буль! — друг за дружкой пошли на дно.

— А император?

— А император остался жить-поживать, рыбку ловить
да сына растить!

— А потом?

— Потом, когда у него появились внучата, каждому из них было дано самое красивое, самое замечательное имя — Императорский Пингвин. В честь дедушки. Вот и вся наша история....

— История — хоть куда! Но почему вы держите её в секрете?

— Да просто потому, что нам, пингвинам, неизвестно, все ли вельможи перетонули в тот раз или не все. Ведь если где-нибудь на белом свете они ещё остались да если узнают о нашей счастливой жизни, то наверняка нам навредят. Мы очень этого боимся. Вот и с месье Коко вышла неприятность только потому, что его приняли за вельможу!

— Какой я вельможа! — сразу встопорщился петух. — Я не менее честный, не менее работающий, чем ваш дедушка! А то, что я ищу Валяй-Форси, это ещё ничего не значит. Бездельничать там я не собираюсь. Погуляю денёка три — и стану учить тамошних петухов собирать гусениц на капусте...

Но Императорский Пингвин ещё раз извинился, и Коко утешился.

А я пообещал, что никто, кроме тех, кто уважает пингинов, не узнает их секретной истории.

— К тому же, — добавил я, — если какой-нибудь вельможа и заскочит к вам, бояться не стоит. Ведь вас, дедушкиных наследников, теперь не меньше десяти тысяч! А может, и двадцати! С одним-то вельможей вы наверняка справитесь.

А наутро приплыли Синие Киты. Они гулко шлёпали могучими хвостами, пыхтели, как пароходы, и были на самом деле синими.

Один из китов сразу согласился доставить нас к берегам Самой Жаркой Страны.

— Где-то там, — пропыхтел он, — плавает моя мама. Я давно хотел повидать её.

И мы, конечно, сразу же подумали о том, какой величины должна быть у него мама, если он сам не меньше хорошей баржи.

Но, собственно говоря, нас это не очень-то касалось, и

мы не стали задавать киту лишних вопросов, а немедленно начали готовиться к новому путешествию.

Размотав клубок шпагата, я сделал упряжь, похожую на громадную узду с поводьями. Узду я накинул на кита, а поводья привязал к сундуку.

Кит из дырки во лбу выпустил фонтан, шевельнул хвостом, поводья натянулись — и мы отчалили от холодных, но гостеприимных берегов Антарктиды.

Пингвины провожали нас до самых дальних айсбергов, потом отстали, и мы втроём вышли в открытый океан.

Глава девятая

МАЛИНОВАЯ ЛОШАДЬ И САМАЯ ЖАРКАЯ СТРАНА

Кто никогда не ездил на китах, тот много потерял!

Если бы у меня была возможность, если бы я мог выбирать, то всегда-всегда путешествовал бы не на кораблях, не на лодках, а только на китах.

Конечно, если бы они сами на это согласились.

Конечно, если бы они сами пригласили меня, как это сделал наш Синий Кит.

Плыть было замечательно.

Океан на этот раз не рычал и не грохотал. Он словно бы призадумался над тем, что натворил вчера. Сундук вслед за китом мчался по океанской глади со скоростью быстроходного корабля. Из воды то и дело выскакивали пёстрые летучие рыбки. Они, как деревенские ласточки, проносились прямо над нашими головами. А навстречу по спокойной воде мчались крохотные, величиной с промочку, кораблики. Это морские жители, велеллы, плыли на своих изумрудно-синих парусах.

И мне очень захотелось что-нибудь спеть.

Что-нибудь такое, что было бы не хуже петушиных песенок.

И я запел:

Кто видел хоть однажды
Зелёного кота,
Малиновую лошадь
И синего кита?
Котов таких, конечно,
И сам я не встречал
И лошадь странной масти
Нигде не замечал!
Но синий кит, поверьте,
На самом деле есть!
Взаправду повстречаться
С ним выпала мне честь.
На берег Антарктиды
Я прибежал чуть свет,
А кит из моря выплыл
И крикнул мне: «Привет!»
Он пригласил: «Нырни-ка!
Водица — красота!»
А сам был синим-синим
От пасти до хвоста.
А сам
Всё сине море
Загородил собой,
Над ним легко взвивался
Фонтанчик голубой.
Нырять к морскому зверю
Не стал я с высоты,
Но всё ж таки поверил:
Есть синие киты!
Я всем теперь отвечу
И на другой вопрос:
Малиновая лошадь
Имеется всерьёз!
Она в лесной избушке
В малиннике живёт,
Малиновое сено
За столиком жуёт.
А рядышком на печке
Уснул зелёный кот,

Он ждёт со мною встречи
Во вторник через год.
Его щекочут мыши,
А он себе храпит:
Зелёному лентяю
Всё снимся я да кит!

* Мне казалось, что Коко засмеётся, подхватит песенку, но он почему-то совсем грустно произнёс:

— Да, да... Если на свете живут синие киты, то, наверное, где-то живут-поживают и малиновые лошади, и зелёные коты. Но это ничуть не смешно.

И петух вдруг заплакал.

Я удивился:

— Что с тобой? Уж не захворал ли ты морской болезнью?

— Нет, я не захворал. Я ни капельки не захворал, но я вспомнил Страну Нашего Детства. Услышал про кота на печке, про лошадь в малиннике — и вспомнил...

И петух опять завсхлипывал, утирая слёзы платком. А когда платок весь промок от слёз, он уткнулся в бабушкину шаль.

— Не надо падать духом! — утешал я товарища. — Посмотри, как старается кит. Он скоро привезёт нас к берегам Самой Жаркой Страны, и там, может быть, мы увидим и Валяй-Форси.

— Ах! Мне уже больше не хочется искать Валяй-Форси! Я хочу домой... — пробормотал петух и отвернулся. Он стыдился своих слёз.

Но я не упрекнул его. Я верил, что мой товарищ не трус и плачет только из-за сильной усталости. Я и сам едва держался.

Вот так, то радуясь, то грустя, мы мчались по океану к Самой Жаркой Стране, у берегов которой плавала мамаша Синего Кита.

И вот из-за горизонта выглянули далёкие пальмы, а под ними зажелтела узенькая полоска земли.

Наш океанский конь резко убавил ход и басом прогудел:

— Ближе не могу-у! Слишком мелко! — И я снял упряжь с его могучей спины.

— Спасибо, дорогой кит! Клаңяйтесь вашей маме.

— Обязательно поклонюсь! А благодарить не стоит. Я даже и не заметил, что вы прокатились на мне, — ответил кит, и его синий хвост сразу исчез в синем океане.

А мы немножко погребли зонтиком и вскоре высадились на берег. Там было не прохладней, чем в натопленной бане.

Там страусы в плавках,
А зебры в тельняшках,
И голый совсем
Бегемотик, бедняжка.
Ему бы
В жару бы
Мороженок пуд,
А нам бы воды газированной пруд!

Там даже слоны
От жары
Темнокожи,
А мы стали тоже
На уголь похожи.
Нам так припекает
Затылки и пятки,
Что в тень под кусты
Мы бежим без оглядки!

Мы и впрямь на глазах друг у друга начали темнеть. Но это было бы даже весело, если бы хоть кто-нибудь чего-нибудь дал нам попить! У меня от жажды пересохли губы, а петух распустил крылья и широко разинул клюв.

Оттого, что рядом плескался океан, пить хотелось ещё больше.

Мы попробовали глотнуть морской воды и выплюнули. Ведь океан до самого доньшка был солёным. Таким солёным, словно в нём солили огурцы.

— Охо-хо! Я умираю...— просипел петух, закрывая глаза.

Я посмотрел на него, вздохнул и тоже прилёг на тёплую землю рядом.

— Подождите! Не умирайте!— вдруг послышалось сверху, и что-то шлёпнулось в траву.

Я вскочил.

Около сундука лежал круглый кокосовый орех, а над нами на пальме сидел человек в зелёной жилетке, в зелёной панаме. На ногах, кроме полосатых носков, у него ничего не было. Зато внизу, под пальмой, стояли такие огромные и широченные сапожищи, что в каждом из них могли бы свободно уместиться и я и петух.

Человек махнул нам панамой, крикнул: «Сейчас!» — и стал спускаться.

А когда спустился до середины, оттолкнулся, прыгнул и попал обеими ногами в сапоги.

— Вот здорово! — сказал Коко.

— Как в цирке! — подтвердил я.

Человек, приминая сапогами траву, подбежал, ловко

срезал перочинным ножичком макушку ореха, сказал:

— Пейте!

Я глотнул прохладное кокосовое молоко — и мне сделалось лучше.

Петух всунул в круглое отверстие всю голову, напился — и ему тоже стало хорошо.

С виду незнакомец был не очень-то симпатичным. Подбородок зарос колючей, давно не бритой щетиной, глазки маленькие, хитренькие, а нос краснее, чем спелый помидор. Но я подумал: «Неважно, кто как выглядит, а важно, кто как поступает. Этот человек дал нам напиться — значит, он хороший!»

Вслух я сказал:

— Здравствуйте, дяденька! Благодарим за угощение.

— Не стоит! Кушайте на здоровье! — ответил незнакомец.

А потом спросил:

— Кто вы такие? Куда путь держите? Расскажите о себе добряку Бену, а уж добряк Бен о вас, ей-ей, позаботится как следует!

— Мы приплыли в сундуке. Мы ищем Валяй-Форси, куриную столицу, — поспешил объяснить петух, допивая последние капельки молока из кокосовой скорлупы.

— Валяй-Форси? Кури-ную столицу? — переспросил Бен и быстренько что-то начал прикидывать в уме. Его шу-стрые глазки так и забегали.

И вдруг... он... сказал:

— Слушайте! Так это же рядом! Это же рукой податы! Пускай петух идёт со мной, и через полчаса он будет в ку-риной столице. Его там ждут не дождутся.

— Ура! Ура! Наконец-то! — как сумасшедший заорал Коко, подпрыгнул и ласково клюнул Бена в нос.

Я тоже обрадовался, но и удивился:

— А почему только петух? А почему вы меня не при-глашаете?

Бен вроде бы смутился, почесал затылок, но быстро ответил:

— Видите ли... Понимаете ли... Поскольку Валяй-Фор-си — городок куриный, мальчишек туда не пускают. Маль-чишки — народ ненадёжный. Они выдирают петушинные перья.

— Ничего подобного! — возмутился я. — Не было слу-чая, чтобы я выдираю петушинные перья.

— Конечно, — поддержал Коко. — Я знаю бабушкиного внука давным-давно, а пёрышки у меня все до единого целы.

— И тем не менее, — стоял на своём Бен, — тем не менее мальчишку в городок не пустят. Со мной пойдёт только пе-тух! Хотя постойте-ка... — И он опять принялся что-то со-ображать.

Соображал, соображал и наконец сказал:

— Порядок! Придумал! Возьмём и тебя. Но не сразу. Сначала мы сходим с петухом в городок одни, сначала рас-скажем там, что ты мальчишка ничего себе, для куриного народа не опасный. А как только тамошние жители согла-сятся, мы за тобой вернёмся. Согласен?

Я не знал, соглашаться или не соглашаться, но петух принялся меня так уговаривать, так упрашивать, что я махнул рукой:

— Ну, ладно! Если в полдень вы вернётесь.

— Вернёмся! Как не вернёмся! — уверил меня Бен, подхватил счастливого петуха на руки и припустил вдоль по берегу.

Тут я спохватился и крикнул:

— Коко! Коко! Пиджак-то забыл надеть!

Но петух даже не обернулся. Не обернулся и Бен.

Я пожал плечами, уселся на сундук. Надо было набираться терпения, ждать, когда наступит полдень.

Сидеть одному, да ещё чего-то дожидаться — не так уж просто. Тем более что сидел-то я ведь не в бабушкиной избе у окошечка, а в Самой Жаркой Стране, рядом с тропическим лесом. А из леса каждую минуту мог выйти лев или, хуже того, косматая обезьяна горилла.

Но сегодня, как видно, удачи так и сыпались на нас. Мне никто не угрожал. Поблизости бегали только мирные страусы. Они играли в прятки. Играли совсем как ребяташки: один отвернётся, а все остальные убегут, хоронятся.

Только вот прятались-то они смешно.

Засунут голову в песок или в траву и думают, что всё: не видно их! А хвост-то снаружи торчит. А голенастые-то лапы за километр видно.

Глядя на бестолковых страусов, я вдоволь натешился, вдоволь насмеялся и почти не заметил, как время приблизилось к полудню. За мной никто не являлся. Тогда я решил искупаться в океане. Но только скинул трусы, вдалеке послышалось кудахтанье. Я вскочил на сундук.

По берегу, подымая пыль столбом, мчался месье Коко.

Я натянул трусы и подумал: «Не иначе за мной торопится петушище! Не иначе разрешение мне выхлопотал, и сейчас мы пойдём смотреть Валяй-Форси». А петух подсккал к сундуку, с разгона сделал круга три, наконец остановился и завопил:

— Тащи сундук в лес! Мы, братец, опять влопались!

Вид у петуха был такой, что я и спрашивать ничего не стал, схватил сундук за скобу и поволок в чащу. Петух изо всех сил подталкивал сундук сзади, причитал:

— Вот так Валяй-Форси! Вот так городок!

Задыхаясь от жары и тяжести, я просипел:

— А что стряслось? Ты же туда ходил не один, а с добряком Беном.

— Скажешь тоже, ходил! Не ходил, а сидел у него в лапах! И никакой он не добряк, а самый настоящий жулик. И Валяй-Форси не Валяй-Форси, а сарай с клетками...

— Да ну! — так и сел я на мокрую траву.

— Вот тебе и ну! Бен заманивает в клетки птиц и отправляет их к Жабиану Усатому на службу. Он и меня в клетку засунул!

— Оё-ёй! А как же ты здесь?

— А меня спас какой-то мальчик. Бен ушёл к своим дружкам-приятелям хвастаться добычей, а мальчик пробрался в сарай, выпустил птиц и шепнул мне: «Беги, петух, к товарищу, прячьте сундук в лесу и ждите меня...» Да вот и он сам!

Кусты закачались, и к нам вышел смуглый курносый мальчик. В правой руке он держал пистолет, на ремне в ножнах у него висел солдатский штык. Я схватил зонтик и приготовился в случае чего защищаться.

Но мальчик засунул пистолет в кобуру, протянул нам раскрытую ладонь и негромко сказал:

— Привет!

Меня зовут Дуду.

Я к вам на выручку иду.

Грустить не надо, я — ваш друг,

Спасу и вас,

И ваш сундук!

— Ого! — обрадовался я. — Оказывается, не одни мы умеем складывать песенки. Очень приятно пожать твою руку, Дуду, и спасибо тебе за моего товарища. Но как ты узнал, что петух попал в западню?

Дуду крепко тряхнул мою руку и ответил:

— За этим Беном я давно слежу. Пока он вам напевал свои хитрые побасёнки, я сидел за пальмой. Я не выпалил в него только потому, что хотел узнать, где же он прячет краденых птиц. Но теперь и птицы на свободе, и петух здесь. Теперь вы можете вернуться в Страну Вашего Детства!

Мы изумлённо уставились на мальчика:

— Вот так да! Откуда тебе известно про Страну Нашего Детства?

— А вот отсюда! — потрогал Дуду багряный флажок. И тут мы ему рассказали и о Меридиане, и об усатом

властелине, и о добром Пекаре, и о пингвинах, и, конечно, о потерянном Зелёном Стёклышке.

Дуду выслушал нас, помолчал, а потом уверенно сказал:

— Не грустите, ребята! В нашей деревне у старого дядюшки Нгонго есть точно такое же Стёклышко. Старик им не пользуется. Стёклышко пылится без дела. Только вот идти надо поскорей. Обманщик Бен наверняка собрал дружок-разбойников и гонится за нами.

— Каких разбойников?

— Таких... Самых настоящих! С ружьями и кинжалами! Их заслал в нашу страну известный вам Жабиан Усатый. Они хотят захватить наши поля, деревни и все кокосовые пальмы. Вы видели, даже птиц они хотят увезти. Вот почему у нас все взялись за оружие, собрались в отряды и бьются с разбойниками!

Мы с завистью посмотрели на пистолет Дуду и спросили:

— А почему ты не в отряде?

— Я разведчик. Я следил за Беном. Теперь я выполнил задание и могу проводить вас к дядюшке Нгонго.

Мы подхватили сундук и зашагали по едва заметной тропинке через дремучую чащу. Невзирая ни на какие опасности, мы пошли туда, где нас ожидало Зелёное Стёклышко.

В тёмных лесных дебрях что-то поцискивало, потрескивало. Кто-то невдалеке от нас визжал и хохотал. Возможно, попугаи, возможно, обезьяны, а может, и разбойники. Мы с петухом вздрагивали от каждого шороха, и, честно говоря, тут-то я и узнал, как трясутся поджилки, как бегают по спине мурашки.

Но Дуду, сжимая в одной руке пистолет, другой поддерживая сундук, вышагивал как ни в чём не бывало.

И вот лес поредел, мы вышли на солнечную равнину. В мелком озере дремали бегемоты. За озером стояли круглые домики, накрытые пальмовыми листьями. Над ними всплывали сизые дымки. Пахло парным молоком и лепёшками, совсем так же, как пахло по утрам около бабушкиной избы.

В пальмовой деревеньке жил дядюшка Нгонго, родст-

венник Дуду. Он встретил нас приветливо, накормил маисовыми лепёшками и хотел уложить спать на соломенном коврике. Но Дуду сказал:

— Нет, дядюшка. Эти ребята очень спешат. Они торопятся в птичий городок Валяй-Форси, но у них беда: они потеряли Зелёное Стёклышко! Отдай им, пожалуйста, своё. Зачем оно тебе? Ведь ты же путешествовать по Меридиану не собираешься...

— Да, да, — вздохнул старичок. — Мне незачем покидать родину. Особенно сейчас, когда разбойники окружают её со всех сторон. И, конечно, если разбойники хотят захватить кокосовые пальмы, то они не откажутся и от Зелёного Стёклышка.

Но тут на деревенской околице загремели выстрелы.

Дуду с пистолетом бросился к выходу. Дядюшка сорвал со стены ружьё и побежал вслед за мальчиком. Помчался на улицу и я, прихватив по пути кочерёжку. Оружия получше в домике не нашлось.

Петух выскочил за нами, но запутался в траве и отстал.

А за деревенькой грохотал бой. Красноносый Бен нашёл-таки наше убежище и привёл к нему всю свою банду. Разбойники рвались к хижинам, стреляли то залпами, то в одиночку. Отряд бойцов Самой Жаркой Страны сдерживал их, но с большим трудом.

Разбойников собралось раза в два больше, и это придавало им храбрости.

Они так палили, что загорелась крыша на одном из домиков.

— Ага! Сдавайтесь! — орали бандиты и высовывали бородатые рожи из-за деревьев. Бен бегал от одного бандита к другому, подбадривал их и сам так расхрабрился, что выскочил вперёд всех.

И я швырнул в него кочергой! И сбил с него зелёную панаму!

Бен пригнулся, пронзительно свистнул, выстрелы застучали ещё громче, шайка пошла в атаку.

«Конец! Нам не удержаться!» — подумал я, и мне показалось, что нас окружают: сзади надвигался страшный топот, гул, рёв.

— С тыла вражеская конница! — закричал я и растянулся на траве. А рядом со мной загрохотали, закачали землю копыта, но какие-то странные...

Я поднял голову и увидел... Оё-ёй! Что я увидел!

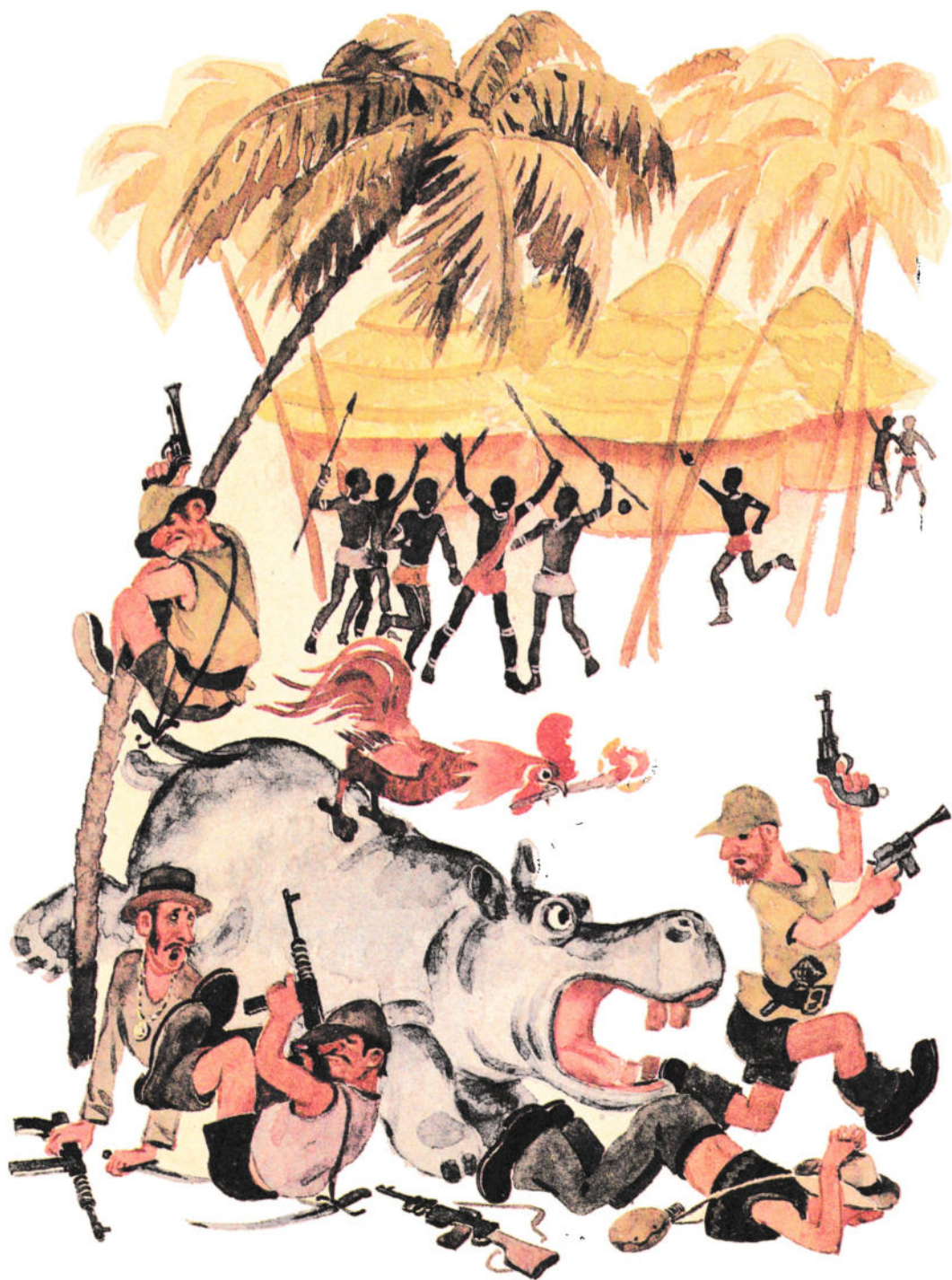
От озера через поляну, подминая кусты, мчался ревуший бегемот, а на нём стоял Коко с факелом в клюве! Факел пылал, раскидывал искры: бегемот, рассерженный огнём, словно гора, катился на разбойников. И вот уже один бандит вверх тормашками полетел в воздух.

Вот кувыркнулся второй, третий, четвёртый...

Пятый не выдержал и, сверкая подошвами, помчался обратно в лес. За ним, побросав ружья, припустили остальные. Бен удирал в носках, его широкие сапожищи остались на опушке леса.

— Ура! — кинулись бойцы в погоню за бандитами.

А Коко спрыгнул с бегемота, бросил факел в лужу и скромно встал в сторонке. Бегемот, успокоившись, трусцой побежал к озеру.

Ну и благодарили же петуха за смелость! Ведь не каждый мог сорвать с крыши пылающую ветку и погнать в бой бегемота! Далеко не каждый!

И петух вполне мог бы сейчас хоть немножко поважничать.

Но на этот раз ничего подобного с ним не произошло, он даже застеснялся и убежал в домик Дуду.

Мальчик сидел уже там, и дядюшка Нгонго смазывал ему зелёной царاپину на голове: во время перестрелки Дуду был ранен. Но не очень опасно.

И вот дядюшка Нгонго поднял изголовье спального коврика, достал деревянную шкатулку, открыл её — и мы увидели Зелёное Стёклышко.

— Теперь это не подарок, теперь это награда за вашу храбрость, — сказал старик. Мы приняли стёклышко и сразу увидели, что оно совсем такое же, как то, которое утонуло в океане. Даже воздушный пузырёк был на том же месте.

— Ну вот! — крикнул петух. — У нас опять всё в порядке! А раз всё в порядке, то и Серебряный Меридиан должен быть рядом.

— Правильно! — подтвердил старик. — Волшебное Стёклышко всегда хранится там, где проходит волшебный Меридиан.

Глава десятая

ОСТРОВOK МАСТЕРА КАШКИ

В предыдущей главе я не стал рассказывать о том, как мы прощались с отважным Дуду и дядюшкой Нгонго. Не стал потому, что и так чересчур много расставаний описано в этой книжке. А каждое расставание всегда печально, а печаль никому не на пользу, особенно нам с петухом.

Ведь мы так и не нашли куриной столицы, хотя и объехали почти вокруг света. Правда, впереди оставалось ещё Государство Старинных Замков, где, по рассказам Дуду,

не было ни разбойников, ни полицейских, и вот мы спешно собрались в эту страну.

Мы торопились потому, что сундук доживал свои последние дни. Краска на нём облезла, доски покоробились, гвозди заржавели. Сундук вот-вот мог развалиться.

Но до Государства Старинных Замков он всё-таки дотянул.

В поздний час, когда на земле угасли все огни, а на небе зажглись все звёзды, мы очутились над тёмным городским парком.

Мы опустились к подножию старого дуба, улеглись на мягкой траве и стали дожидаться утра.

В листве деревьев попискивали сонные птенцы. Над дорожками парка беззвучно проносились летучие мыши. А звёзды в небе так сверкали, так вытягивали тонкие лучики, что мне показалось, они хотят потрогать наш сундук. Наверное, то же самое думалось и петуху. Он спросил:

— Как, по-твоему, звёзды видят нас?

— Конечно, видят.

— И городок Валяй-Форси видят?

— И городок! Если он существует...

— Вот поговорить бы с ними! Ты знаешь, мне кажется, они живые и у них есть семьи. У них есть мамы звёзды и звездята-ребятишки. Звездята иногда шалят и спрыгивают на землю...

И тут мы разговорились о небесных жителях, и я припомнил одну небольшую сказочку:

Спросонок
Звездёнок,
Сынишка звезды,
В густую крапиву
Упал с высоты.
Он в чаще кусачей
Застрял на лету
И плачет: «Ой, мама!
Я здесь пропаду!»
Над ним во всю мочь
Лягушата хохочут,
Его букарашки

Усами щекочут,
И где-то близёхонько
Кто-то мычит
И в стенку сарая
Рогами стучит!
И начал звездёнок
Тускнеть понемножку.
Но я подхватил
Малыша на ладошку,
Погладил,
Утешил,
Дал сахару с хлебом
И к звёздочке-маме
Закинул на небо.
Я крикнул малышке:
— Лети в свою высь!
Да больше не падай,
За маму держись.
Гуляй с ней за ручку
По звёздному краю;
Я сам как-нибудь
Там у вас побываю.
Примчусь!
Но уж я-то
Среди облаков
Не забоюсь
Лягушат и жуков...
Ну, и коровы, конечно,
не испугаюсь!

Пока я вспоминал эту сказочку, пока рассказывал её петуху, началось утро. Ведь летняя ночь так коротка, что от вечерней до утренней зари больше одной сказки и не расскажешь.

И вот, как только из-за деревьев поднялось розовое солнце, мы спрятали сундук в кустах и направились к калитке. За калиткой, на городских улицах, было тихо, безлюдно. Горожане в это время ещё только-только просыпались, а дворники уже успели подмести весь вчерашний му-

сор и теперь, наверное, сидели, попивали кофе. Кофейный аромат плыл из всех дворов.

Узкие кривые улочки убегали куда-то вниз, должно быть, к реке. Слева и справа стояли вплотную друг к другу кирпичные здания, узкие, высокие, больше похожие на старинные замки, чем на дома. Красные фасады от солнца светились, в узеньких окнах поблёскивали разноцветные стёклышки. Вверху, над черепичными крышами, скрипели жестяные флюгера.

Мы заглядывали во все закоулки, и нам никто не мешал.

Но вот из-за угла, грохоча по булыжнику, выкатилась голубая тележка с мороженым. Её толкала толстая улыбающаяся тётя в белом переднике.

Мы подбежали к ней и, стараясь не глядеть на мороженое, спросили, где здесь находится куриная столица Вальяй-Форси.

Мороженщица всплеснула руками:

— Шоколадные вы мои! Земляничные со сливками! Да разве я разбираюсь в куриных делах? Вот если бы вы спросили, как делается ореховый пломбир, я бы вам рассказала.

Тогда мы объяснили, что куриная столица не какая-нибудь, а немножко волшебная.

— Ах, волшебная! Ну, значит, вам нужно идти на островок Мастера Кашки. Это рядом: вниз по улице к реке и через мост. Уж поверьте, лучше Мастера Кашки в волшебных делах никто не разбирается.

И, конечно, мы сразу же хотели бежать к реке, но тут мороженщица остановила нас и подала три эскимо на палочке.

— Два — вам, третье — Мастеру! Не бойтесь, вы добежите так скоро, что эскимо не растает.

— Но у нас нет денег!

— И не надо! Вы рассчитаетесь тем, что передадите мой привет Мастеру Кашке.

— Спасибо! — обрадовались мы и помчались вниз по улице.

Островок Мастера Кашки разделял глубокую реку на два узких протока. Он весь курчавился зеленью. Из-за де-

ревьев подымалась высокая крепостная стена с зубцами. Над стеной, на башне, стоял трубач. Под башней, закрывая собою ворота, висел на цепях подъёмный мост.

Как только мы выбежали к реке, трубач затрубил: «Та-та! Та-та! Та-та!» — и мост опустился. Не раздумывая мы подбежали к воротам. Дубовые створки распахнулись, навстречу нам выскочил Клоун. Он сделал двойное сальто, пропищал: «Здравствуйте!» — и вынул из кармана широченных штанов будильник размером с кастрюлю. Будильник затарахтел.

Клоун многозначительно поднял палец:

— О! Вы явились вовремя. Мастер Кашка ожидает вас именно в эту минуту!

Мы засмеялись:

— Откуда Мастер знает, когда мы явимся?

— Мастер знает всё! А если и не знает, то никогда никому не говорит, что к нему явились не вовремя. Прошу за мной! Я провожу вас мимо нашей охраны.

И мы двинулись вслед за Клоуном под сумрачные каменные своды, которые освещались крохотными ёлочными лампочками. Из древних нештукатуренных стен торчали какие-то кольца и крючья. Наверное, в старину здесь держали на привязи цепных псов. Было жутковато.

И вот в конце коридора у маленькой дверцы мы увидели стражу. На нас во все глаза таращились двенадцать деревянных Ванек-Встанек с деревянными ружьями в руках: шесть Ванек слева, шесть Ванек справа.

— Ну и охрана! — удивлённо сказал петух.

— А что? Охрана чудесная! — ответил Клоун и щёлкнул одного охранника по деревянному животу.

Охранник закачался, в животе у него зазвенел колокольчик.

— Эти часовые никогда не спят.

— Что верно, то верно, — согласился петух. — Ваньки-Встаньки никогда не спят. Но от кого они охраняют крепость?

— Конечно, от родителей! Ведь наш замок почти сказочный! А разве вам приходилось слышать, чтобы кто-нибудь когда-нибудь попадал в сказочный замок вместе со своими родителями? За ручку с мамой, за ручку с папой?

— Нет, такого нам слышать не приходилось.

— Вот то-то! — сказал Клоун и открыл дверцу. За нею оказалась крутая лестница с истёртыми ступенями, убегающими вверх.

Мы проходили одну лестничную площадку за другой. Клоун шагал всё выше и выше, нигде не задерживаясь. А мы заглядывали всюду и видели такое, что не каждый раз и не везде увидишь.

На одном этаже игрушечные кондитеры в игрушечных духовках пекли самые настоящие торты, там пахло горячим шоколадом.

На другом этаже кукла с огромными глазами так усердно разучивала гаммы на скрипке, что нам пришлось заткнуть уши.

В комнате напротив сидели звездочёты в бумажных колпаках и в складную трубу-телескоп разглядывали через окошко солнце.

А этажом выше мы увидели жестяные самолётики, которые кружились под потолком, и за каждым вился белый дымок.

Мы хотели посмотреть ещё и на деревянных солдатиков, толпящихся в просторном светлом зале около пирамиды с ружьями, но в это время открылась последняя дверь — и перед нами оказался кабинет самого Мастера Кашки.

Мастер, вытянув длинные ноги в башмаках с пряжками, сидел на табурете возле электрической плитки и варил манную кашу.

Плитка стояла на подоконнике, потому что стол был завален жестью, обрезками картона, бутылочками с клеем и всяческим инструментом.

Инструментов-то у Мастера, видимо, хватало! Они торчали из карманов его потёртой куртки, лежали на полу, а одна коротенькая, похожая на карандаш, отвёрточка выставлялась у Мастера даже из-за уха.

И Мастер был совсем не строг. Напротив, он так смешно шевельнул бровями, так хитро прищурился и глянул на нас одним глазком, что мы сразу почувствовали к нему большое расположение.

— Ну-с, молодые люди! Вы пришли точно, из секунды в секунду. Манная каша готова! Прошу к подоконнику!

Я хотел было сказать, что манной каши не терплю, но Клоун прошептал:

— Не возражайте! Мастер все важные дела начинает с манной каши. С теми, кто каши не ест, здесь не разговаривают.

Мы с петухом подошли к подоконнику, очистили всю кастрюльку до доньшка, а на второе вместе с Мастером съели эскимо.

— Ну вот,— сказал Мастер.— Теперь я вижу, что вы народ серьёзный. Теперь я могу показать вам одну интересную штуку.

И он достал с полочки белый флакон с надписью «Дождевые капельки».

— Разрешите, откупырю! — услужливо подскочил к Мастеру петух.

— Пожалуйста,— согласился Мастер.— Только не «откупырю», а «откупорю».

Петух выдернул пробку, Мастер наклонил пузырёк над чистой тарелкой, отмерил одну капельку — и мы увидели на выпуклой поверхности, как в крохотном телевизоре, Жабиана Усатого!

Мастер отмерил вторую капельку — и мы увидели землю пингинов!

Мастер капнул в третий раз — и перед нами появился жаркий берег океана!

— Послушайте! — сказал я.— Ведь этак вы можете увидеть любой уголок земли! На вашем месте я только тем бы и занимался, что капал на тарелку да смотрел в дождевые капельки.

Мастер усмехнулся:

— На моём месте ты бы делал игрушки. Ведь я же Игрушечных Дел Мастер! А флакон с капельками я достаю только тогда, когда кто-нибудь заблудился и ему нужна помощь.

— А разве мы заблудились? — недоверчиво спросил петух.

— Конечно, заблудились. Вы же ищете то, чего нет. А каждый, кто ищет то, чего нет, считается заблудившимся.

— Как?! — вскричал петух и даже подскочил на месте. — Как «то, чего нет»? Разве Валяй-Форси не существует?

— Да, дорогой капитан! Да, дорогой Коко! Валяй-Форси не существует. Подумай-ка сам, разве может существовать такой город, где никто ничего не делает?

И тут петух глянул на меня, я глянул на петуха, мы оба охнули, а потом петух заголосил:

— Оё-ёй! Раз уж мы не нашли куриный городок, раз уж мы такие заблудшие, то лучше нам и совсем не возвращаться домой, а пропадать на чужой сторонushке-е!

Но Мастер сердито притопнул и сказал:

— Как тебе не стыдно, Коко! Как ты смеешь так распускаться! Ты забыл о том, что дома вас ждёт не дожждётся бабушка, что дома волнуются бедные, покинутые куры. Гляньте-ка сюда!

Мастер ещё раз капнул на тарелку.

И в капельке мы увидели наши тихие сосны, наши белые берёзы и нашу добрую бабушку. Она сидела на крылечке, смотрела на тропинку, как будто ждала кого-то, а рядом толпились куры. Они поднимались на цыпочки, они тоже смотрели на тропинку.

— Бабушка! Не волнуйся! Мы скоро приедем! Мы очень по тебе соскучились! — закричали мы, но в это время дождевая капелька от нашего крика расплылась, а Мастер сказал:

— Теперь вы видели, как ждут вас дома? Теперь вы не откажетесь возвратиться?

— Ой, что вы! — опять наперебой закричали мы.

— Мы сейчас же поедем.

— Но только как?

— Да, как? Сундук почти развалился.

— Это не страшно. Можно обойтись и без сундука. Я посажу вас на поезд. Как раз сегодня я должен отправить посылки с игрушками в Страну Вашего Детства. С ними вы и уедете.

— Через границу?

— Конечно, через границу!

— Но ведь на границе стоит Часовой! Он потребует пропуск.

— Это мы уладим. А пока пойдёмте вниз, посмотрим наши игрушечные дела. Клоун тем временем соберёт посылки и привезёт на автомашине ваш сундук.

— А машина у вас тоже игрушечная? — поинтересовался Коко.

— Ну конечно! В ней только бензин настоящий.

Клоун взял гвозди, молоток, начал сколачивать ящики для посылок, и мы не стали ему мешать. Мы пошли с Мастером Кашкой осматривать замок.

ТРАХ-БАХ!

Как только дверь кабинета закрылась за нами, Мастер спросил:

— Что вам хочется увидеть больше всего? До отхода поезда остаётся часа полтора, поэтому выбирайте самое интересное.

Я начал было думать да прикидывать, что же здесь самое интересное, но меня опередил Коко. Он вспомнил о своём генеральском звании и сказал:

— Я видел, тут живут деревянные солдатики, так нельзя ли устроить парад?

— Отчего же нельзя? — сказал Мастер. — Пойдёмте на площадь — и парад сразу же начнётся. Наши солдаты всегда готовы.

И вот мы спустились вниз по лестнице и очутились во дворе, на неширокой, но очень ровной площади. На её каменных плитах лежали синие тени, а там, где наискось падали солнечные лучи, кружились бабочки-крапивницы.

Вокруг цвели георгины, левкой, душистый горошек, а середина площади была пуста.

Мастер вынул из кармана крохотный горн, поднёс к губам, заиграл:

Туру-ру! Тара-ра!
Собираться всем пора!
Кто гостям и солнцу рад,
Выходите на парад.
Тара-ра! Тара-ри!
Пёстрый флаг в окне гори!

И сейчас же над площадью распахнулись все окна, оттуда упали разноцветные полотнища, высунулись весёлые рожицы игрушечных кондитеров, засияли глаза кукол, закачались высокие колпаки звездочётов, а из множества дверей выбежали гости — настоящие девочки, настоящие мальчики. Они толпой окружили Мастера. И все смотрели туда, где под старой башней сверкали медными украшениями кованые ворота.

Мастер опять поднял горн — и к воротам понеслось:

Туру-ру! Тара-ра!
Солдатам строиться пора!
Барабанщикам встать справа,
Командирам слева встать,
А пехоте топать браво,
Но вперёд не забегать.
Тара-ра! Тара-ри!
Флаг над башнею гори!

И опять всё стало так, как пропел, приказал горн. Тру-бач на башне развернул флаг. Ворота распахнулись. Оттуда начали выходить барабанщики, командиры, солдаты, ловко выструганные из сосновых дощечек.

Пока они строились, я приподнялся на цыпочки и шепнул Мастеру:

— Уважаемый Главнокомандующий! Ваши пехотинцы великолепны. И я понимаю, выстругали вы их сами, но откуда у вас такой чудесный замок? Ведь его-то вырезать вы не могли — он всамделишный.

Мастер похлопал меня по плечу и сказал:

— Этот замок принадлежал когда-то одному хвастливому принцу. А как он стал нашим, сейчас поймёшь.

Мастер обернулся к своему войску, крикнул:

— Барабанщики! Бейте в барабаны и запевайте нашу любимую песню! Солдаты! Шагайте ровнее и подпевайте барабанщикам! Раз-два-три! Начали!

И тут взлетели и ударили барабанные палочки, шеренги солдат колыхнулись — над площадью загремело:

Бах-трах!
В старину
Принц поехал
на войну!
Он в карету
Поскорее
Усадил промеж ковров
Писаришку, брадобрея

И двенадцать поваров!
Прихватил он пива бочку,
Хлеба воз, жену и дочку,
Даже кошку взял на рать,
Лишь войска забыл собрать.
«Ой-ой! Что же будет?
Кто в бою успех добудет?»
Принц ответил: «Ерунда!
Сам управлюсь, господа!»
Трах-бах! Мчит карета!
Нашумели
                    на полсвета!
Отпустили
                    тормоза —
Людам пыль летит в глаза!
«Крах! Тьма! Спасенья нету!» —
В страхе стонут города.
Принц хохочет из кареты:
«Вас похлеще ждёт беда!
Трах-бах! Три страны
Схороню в пыли войны!»
Только вдруг навстречу вруше,
Расторопен и удал,
С полным коробом игрушек
На дороге Мастер встал.
Встал негаданно, неожиданно,
Короб снял и вынул он —
Бах-трах! — деревянных
Пехотинцев
Батальон!
Бах-трах! Блещут ружья!
Бах-трах! Бьют врасплох!
И к тому же,
И к тому же
В них не пули, а горох!

Ох-ох! Ох-ох!
Не толчёный,
Не мочёный,
А поджаренный горох!
Принц заахал: «Ах, боюсь!»
Принц заохал: «Ох, сдаюсь!»
Не трахбахайте, не надо,
Я вам в ножки поклонюсь.
Я же мирный,
Я же смирный,
Я же вам за жизнь свою
Мой кирпичный,
Мой столичный,
Лучший замок подарю!
Сам в чулане стану жить,
В замке дворником служить...»
Трюх-бух!
Ползёт карета
Вдоль дороги, вдоль кювета.
И совсем не тарахтит,
И нисколько не пылит...
И скликает Мастер в замок
Малышей со всех сторон
Посмотреть, как левой-правой
Марширует стройно, браво
Деревянный батальон!
Поглядеть, как до рассвета,
Хвастунишкам всем на страх,
В небе трахают ракеты:
Трах-бах! Трах-бах!

И барабанщики так ловко вскидывали палочки, пехотинцы так дружно ударяли деревянными каблуками в каменные плиты площади, что я не выдержал и сам начал подпевать:

**Хвастунишкам всем на страх
Бах-трах! Трах-бах!**

А петух заорал:

— Эх, была не была! А ну, дай дорогу генералу! — и, расталкивая девочек и мальчиков, кинулся на середину площади, туда, где слева от солдат вышагивали деревянные командиры.

Он забежал вперёд, выкатил колесом грудь, гаркнул: «Держи равнение на меня!» — хотел шагнуть в ногу со всеми, но тут же спутал правую с левой, запнулся и задел носом каменную плиту... Строй смешался, солдаты перепутали свои ряды, барабаны умолкли.

Парад был испорчен!

Петух от стыда взлетел на башню, спрятался за кирпичным зубцом, а я с ужасом подумал: «Эх! И попадёт же нам сейчас...»

Но Мастер сел прямо на камни и принялся хохотать. Сначала он хохотал просто так, потом стал хохотать до слёз, потом до икоты, потом опять просто так и наконец успокоился, утёрся большим носовым платком и сказал:

— Эх, Коко, Коко, хоть ты и отчаянный петух, да ещё не вышел пока в генералы! Послужил бы ты раньше солдатом!

Но тут на площадь въехал автомобиль с нашим сундуком. За рулём сидел Клоун.

Он высунулся из кабины, крикнул:

— Это что за шум? Вы забыли, что скоро отправляется поезд? Поторапливайтесь!

И Мастер побежал за посылками, а я полез на башню успокаивать петуха. И едва успокоил, потому что внизу, на площади, над ним хохотали и девочки, и мальчики, и куклы, и даже Клоун, которому рассказали о петушиной неудаче. Но так как этот смех был совсем не злой, петух в конце концов успокоился и спустился вниз. Там все поглаживали его по спине и говорили:

— Оставайся у нас, Коко! Послужи в солдатах! И к осени, честное слово, из тебя получится отличный генерал!

Петух стыдливо отворачивался и хрипло отвечал:

— Да, да, конечно! Я бы остался, если бы не бабушка, если бы не одинокие куры...

Нас провожали на вокзал Мастер Кашка и Клоун.

Мастер напутствовал:

— Как только доедете до границы, Часового не бойтесь. Покажите ему пропуск — и всё будет в порядке. Клоун, вы приготовили пропуск?

Клоун подал нам свёрнутый вчетверо лист бумаги.

— Ну, вот и хорошо! Поезжайте спокойно. Спасибо, что заглянули на наш островок. Передавайте привет бабушке и курам.

— Спасибо и вам, Мастер Кашка! Спасибо и вам, Клоун, — сказал я. — Как только заработаю следующий отпуск, обязательно приеду сюда и поучусь делать игрушки. Вы ведь не откажетесь поучить меня?

— Что ты! — засмеялся Мастер. — Пожалуйста! Я всегда рад поделиться своими секретами. Но ты и без меня можешь сделать хорошую игрушку. Для этого нужно только терпение да весёлое настроение.

— Только-то? Я запомню ваш совет.

— До новой встречи! Доброго вам пути! — ответили Мастер Кашка и Клоун.

Паровоз густым басом пропыхтел:

— Дан ли марш-ш-рут? Дан ли марш-ш-рут?

Вагоны, звякая буферами, ответили:

— Дан! Дан! Дан! — И под ними застучали рельсы. Мы поехали домой, к бабушке.

Глава двенадцатая

САМАЯ ЛУЧШАЯ СТРАНА

В начале пути мы чувствовали себя не очень-то уверенно. Мы всё время боялись, что пропуск получили игрушечный, не настоящий и нас на границе задержат. Мы так боялись, что даже не подходили к окну своего багажного

вагона, а смиреннько сидели там на сундуке и разговаривали шёпотом.

Петух после скандала на параде совсем расхворался. Он окончательно утратил свой бравый, независимый вид, жаловался на головную боль и теперь мечтал только об одном: как бы скорее добраться до дому.

А рельсы под нами всё постукивали, паровоз гудел, время шло — и вот наконец зашипели тормоза, и поезд начал убавлять ход.

— Граница! — тревожно глянули друг на друга мы и, не сговариваясь, полезли под крышку сундука.

Поезд остановился, за окном послышались чьи-то уверенные шаги. Суровый голос произнёс:

— А ну, посмотрим, что в этом вагоне.

Другой голос ответил:

— В этом вагоне посылки от Мастера Кашки. Пожалуйста, проверьте!

Железная дверь лязгнула, шаги застучали рядом с сундуком.

— Раз, два, три... — считал посылки суровый голос, и мы, замирая, слушали и ждали, когда очередь дойдёт до нас. И она, конечно, дошла, и голос спросил:

— А это что за сундук? В списке он не числится.

— Не знаю! — последовал ответ. — Не знаю! Вполне возможно, что в нём сидят ужасные диверсанты. Нужно поднять крышку!

И тут мы совсем перетрусили, полезли под бабушкину шаль, а крышка над нами откинулась.

Не раскрывая зажмуренных глаз, я дрожащей рукой высунул из-под шали бумагу, полученную от Игрушечных Дел Мастера. Бумагу кто-то взял и начал читать вслух:

— «Пропуск! Выдан одному мальчику и одному петуху. Мастер Кашка».

— Что же, отлично, — сказал тот, кто читал. — Пропуск самый настоящий. Но проверим, на месте ли пассажиры. — Шаль поползла вверх, и я увидел Часового.

Правда, со страху я открывал глаза не сразу, а сначала один глаз, потом второй глаз, поэтому и Часового разглядел как бы по частям. Сперва увидел ярко начищенные

сапоги, затем зелёную гимнастёрку под хрустящими ремнями, а потом уж и зелёную фуражку с багряной звёздочкой и очень молодое загорелое лицо Часового.

Рядом с Часовым стоял Проводник. Он улыбался, подмигивал нам, но Часовой был по-прежнему суров, и нам от улыбки Проводника легче не стало.

Часовой сказал:

— Тут написано про мальчика и петуха. Мальчика я вижу, а петуха — нет! Вместо петуха здесь, по-моему, всего-навсего мокрая курица. Так, братцы, нельзя!

А петух и в самом деле смахивал сейчас на мокрую курицу. От страха. И всё же он перед стройным строгим Часовым попробовал подтянуться, стыдливо пролепетал:

— Нет, нет... Я петух. Я могу даже спеть «ку-ка-ре-ку».

— Ну, если «кукареку», тогда верю! Тогда можете ехать дальше.

Часовой обернулся к Проводнику и добавил:

— Я думаю, тех, кто гостил у Мастера Кашки, диверсантами считать нельзя!

— Я тоже так думаю,— сказал Проводник, и они оба направились к выходу. А, закрывая за собой дверь, Часовой соорудил нам такую потешную рожицу, что мы оба хихикнули, и страх с нас как рукой сняло! Мы поняли, что опасности позади, что мы почти уже дома.

Мы подбежали к окну и с тех пор не отходили от него до конца путешествия.

Теперь уже не Серебряный Меридиан, а стальные, крепкие рельсы мчали нас через широкие реки, сквозь гулкие прохладные рощи, мимо высоких гор, мимо полей, мимо посёлков и деревень.

На каждой остановке мы опускали оконную раму. Мы старались высунуться как можно дальше, увидеть как можно больше. Глядеть было на что!

На одной станции нам показалось, что вагон вкатился в огромный яблоневый сад. Яблоки — жёлтые и красные, золотистые с румянцем и без румянца, большие, огромные, средние и даже величиной с клюквинку — виднелись повсюду.

Они висели на ветках вдоль железнодорожного полотна.

Они грудились в окнах магазинчиков.

Они лежали в корзинах и на лотках, они алели прямо на земле.

А рядом ходили загорелые люди и, странное дело, не обращали на это чудо никакого внимания! Будто это не яблоки, а всего-навсего картошка.

От яблочного духа у меня закружилась голова, а петух сказал:

— Мы, наверное, попали в государство Яблочко!

— Никакое не Яблочко! Это начинается Страна Нашего Детства! Подожди, ещё и не то увидишь.

И правда, сады вскоре кончились, а за окном побежали, разлились на все стороны пшеничные поля. Вернее, это было одно огромное поле, такое широкое, что заблудиться в нём среди колосьев и васильков было куда проще, чем в густых лесах Самой Жаркой Страны. И ветер оттуда прилетал знойный, и пахло теперь в вагоне у нас не яблоками, а тёплой землёй и пшеничными зёрнышками.

А потом навстречу поезду побежали высокие башенные краны. Они не спеша, но очень споро, укладывали в стены домов кирпичи, балки, плиты. Даже из вагона было видно, как вырастают дома, как ловко работают молотками на крышах кровельщики, а в новых дворах уже девчонки играют в классики, а мальчишки бегают вперегонки и запускают футбольные мячи чуть ли не под самые облака.

И везде, куда бы мы ни глянули,— над школами, над детскими площадками, над башенными кранами и даже на груди у встречных тепловозов — развевались багряные флажки.

Петух начал было их считать, да скоро сбился. Ведь багряные флажки встречались повсюду, а страна была так велика, что и тот, кто умел считать получше петуха, не смог бы сказать, сколько флажков нам повстречалось. Кокко не переставал удивляться:

— Вот это да! Вот так Страна Нашего Детства! А я думал, что вся-то она одинаковая и вся-то — от бабушкиного крыльца до речки...

Он так удивлялся, что даже не заметил, как мы доехали до своей остановки. Да я и сам опомнился только в самую последнюю минуту. Поезд остановился у лесного вокзальчика, от которого начиналась тропинка к бабушкиной избушке, и мы вытащили сундук прямо на зелёную лужайку.

Проводник махнул нам зелёным флажком, последний вагон скрылся за поворотом — и мы оказались одни среди травы да сосен. И не будь рядом сундука, мы бы и сами себе не поверили, что вернулись из кругосветного путешествия!

Над лесом недавно прошёл дождь. Впереди играла разноцветная радуга. На тропинке дымились тёплые лужицы. Я прошлёпал босиком по одной, потом по другой и сказал:

— Чудесно!

Петух склонул с листа подорожника прозрачную каплю и ответил:

— Замечательно!

Я швырнул сосновой шишкой в радугу и сказал:

— Распрекрасно!

Петух нацелился на большую стрекозу и ответил:

— Куда лучше!

Вдруг он растопорщил крылья и очень серьёзно попросил:

— Послушай! Не называй меня больше Коко, зови меня просто Петькой. Так будет совсем хорошо!

— Конечно,— сказал я, поскакал на одной ножке и запел:

Хорошие страны
Вдали за морями,
Но самая лучшая —
Рядышком с нами.
Туда дошагать
Очень просто пешком
В кедах,
В ботинках
И босиком!

Там свищут дрозды,
Там в коричневой кепке
Над мохом привстал
Подосиновик крепкий,
Шмели щеголяют
В мохнатых рубашках,
И тёплое солнышко
Пахнет ромашкой!

А Петька подхватил:

Там весело речка
По камушкам льётся,
Легко петушкам
Голосистым поётся,
Там скачут скворчата
По светлым полянам,
Там наши друзья,
Без которых нельзя нам!

А потом мы грянули вместе:

Повсюду нас мчали
Сундук и вагоны,
Но только лишь в этой
Стране
Хорошо нам!
Лишь эта страна
Лучше всякого края,
И всё потому,
Что она нам
Родная!

С песней мы пришли и к бабушкиной избушке.

И, конечно, всех всполошили. Ждать-то нас ждали, да всё равно мы свалились как снег на голову, потому что не подали телеграмму.

Ну и головомойку устроила нам бабушка! Такую головомойку, что никто себе и представить не может. Но бабушка была горяча, да отходчива и через каких-нибудь полчаса уже угощала нас ватрушками.

Ну, а потом, конечно, я начал рассказывать о наших приключениях.

Бабушка слушала, ахала и взяла с нас твёрдое слово, что мы никогда больше не уедем без разрешения в неведомые края.

И мы такое слово дали, и на этом можно было бы поставить точку.

К тому же отпуск мой через две недели закончился, я снова стал взрослым, а сундук со стёклышком бабушка заперла на замок.

Но точка всё как-то не ставится, и вот почему.

Не успел я вернуться к себе в город, как пришло заказное письмо от бабушки.

«Дорогой внучек,— писала мне бабушка.— После дальних странствий наш петух Петька словно с ума сошёл! Он опять шепчется с курами и забивает их куриные головы всяческими фантазиями. Говорит, что ещё триста лет тому назад учёные обнаружили на небе планету, которая называется «Мир кури́й», и, стало быть, там живут куры. Он, озорник, сказал, что в скором времени вместе с тобой полетит на эту планету.

Я очень беспокоюсь, дорогой внучек, правда это или нет.

Если правда, то напиши: на чём вы собираетесь лететь? Ведь сундук-то совсем развалился, его уже и починить нельзя.

А ещё петух натаскал в курятник целую кучу всяких стёклышек, и я не знаю, как поступить с ними...

Ответь мне, выбрасывать из курятника стёклышки или не выбрасывать. Уж больно петух дорожит ими, с утра до вечера только на них и любуется и даже с чужими петухами теперь дерётся не каждый день!»

Сначала я рассмеялся над бабушкиным письмом и над Петькой-Петрованом, но потом подумал и смеяться перестал.

Ведь я и сам с тех пор, как прокатился по Серебряному Меридиану, не могу так просто взять да и пройти мимо лежащего на улице стёклышка, а обязательно его подниму, пусть даже из крапивы. Подниму и посмотрю: не зелёное ли, не волшебное ли?

И я совсем-совсем не знаю, чем всё это закончится, а поэтому ставлю не точку, а многоточие...

**шагал
один
чудак**

ШАГАЛ ОДИН ЧУДАК

Может быть, недавно,
А может быть, давно
Лежало на тропинке
Пшеничное зерно.

Ни мало, ни велико,
Обычное собой,
Да вот —
С кожуркой странной,
С очень голубой!

А полем по тропинке
Шагал один чудака,
Он зёрнышко заметил,
Он вслух подумал так:

— Чудесную находку
Смелю я на муку,

Я голубую булку
Ребятам испеку!

И к чудаку сейчас же —
Скорей, скорей, скорей! —
Примчался хмурый мельник,
С ним девять пекарей.

Примчались, осмотрели,
Потрогали зерно
И хором заявили:
— Негодное оно!

Раз у него не жёлтый,
Не золотистый цвет,
То в нём большого проку
Не было и нет!

И пекари, и мельник
Сказали чудаку,

Что голубые зёрна
Не мелют на муку.

А тот взмахнул рукою:
— Пускай!
Да всё равно
Я чувствую,
Я знаю,
Волшебное оно!

Он отчеканил громко,
Настойчиво в ответ:
— Я верю, что в находке
Есть сказочный секрет!

И зёрнышко он в грядку
За домиком своим
Воткнул
И начал сразу
Ухаживать за ним.

Он зёрнышко водою
Из лейки поливал,
Он в холод эту грядку
Подушкой накрывал.

Он это место прочным
Плетнём огородил
И от него ни ночью,
Ни днём не отходил.

А зёрнышко лежало
В земле
И не росло...
И что ни день, то громче
Смеялось всё село.

— Никчёмная затея! —
Кричали там и тут.

— Чудес на свете нету!
К чему напрасный труд?

Но поливал упрямо
Чудак своё зерно.
Шептал он:
— Урожая
Дождусь я всё равно.

И вот однажды утром
Край грядки сам собой
Слегка зашевелился,
И сверху появился
Росточек голубой!

Он рос и рос.
Он ровень
С плетнём высоким встал,
А на макушке колос
Вдруг наливался стал.

И в колосе не зёрна
Светились от жары,
А зрели
Голубые
Воздушные шары!

Их сразу расхватала
Босая детвора
И до небес взлетала,
И громко хохотала:
— Мы лётчики! Ура!

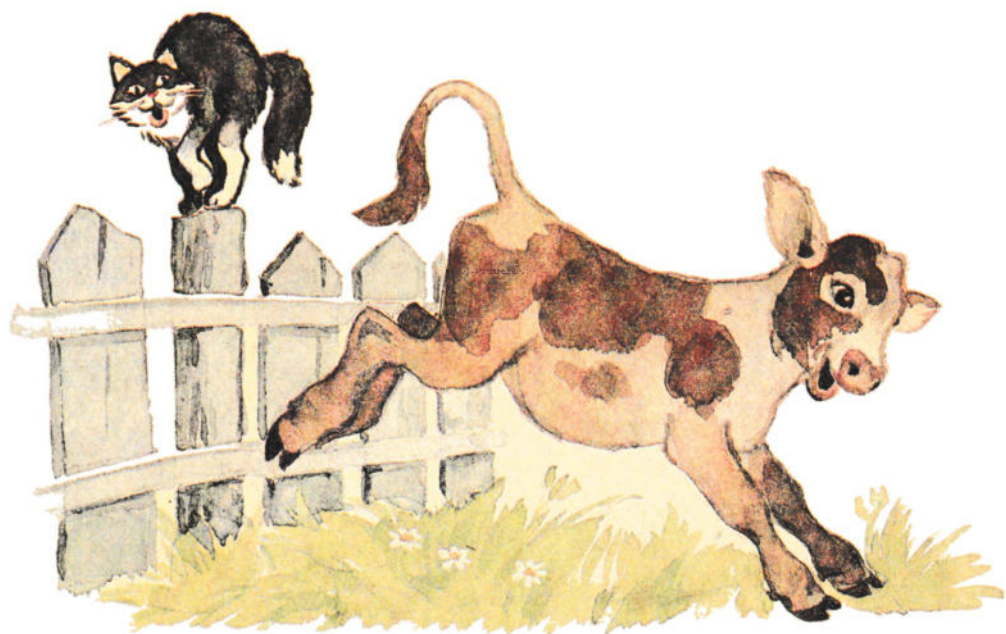
Даже
Хмурый мельник
Был очень, очень рад.
Он вместе с пекарями
Кружил под облаками
И ни за что спуститься
Не хотел назад.

А наш чудака смеялся
И, голову задрал,
Кричал: — Ну вот, смотрите,
Я оказался прав!

Пускай все сомневались —
Я верил всё равно,
И сказочную тайну
Открыло мне зерно.

Я верил, что на грядку
Вода не зря лилась,
И сказка получилась,
И наяву сбылась!

ВВЕРХ ПО СТУПЕНЬКАМ

У пёстрой коровы пятнистый телёнок
Вырос без чепчиков и без пелёнок.
И вот он однажды корове сказал:
— Я мал, да удал! Я калитку бодал!
Я каждую лужу копытцем измерил,
Я каждую дырку в ограде проверил,
Жевал я крапиву и нюхал цветы,—
Теперь бы весь мир изучить с высоты!

Он крикнул корове: — До встречи! Прощай!
Я лезу на крышу, а ты — не мешай!

И вот
Покачал он
Крутую
Ступеньку,
На лестницу
Встал
И полез
Помаленьку

Туда, где сиял
Небосвод голубой
Над красною крышей,
Над белой трубой.

Он кверху шагал, а корова ему
Мычала: — Весь мир изучать ни к чему-у!
Глянь ты хоть издали, глянь хоть в упор:
Весь мир — он такой же, как старый наш двор.
В нём всё одинаково. В нём всё похоже:
Ёлки, берёзы... Телёночки — тоже!
Но с лестницы
Ветер
Доносит слова:
— Ты ошибаешься!
Ты не права!
Отсюда видна мне другая деревня,
Растут в ней совсем не такие деревья;
Я вижу других там коров и телят;
Не так во рожки там подпаски дудят.

А главное,
Чем поднимаюсь я выше,
Тем ясное солнышко краше и ближе;
Сейчас на трубу со ступеньки вскочу,
Чуть-чуть поднатужусь, к нему полечу!
Не веришь?

— Не верю! — корова сказала,
И вслед за телёнком сама поскакала,
Да вышел хозяин, руками всплеснул,
Ахнул: — Спасите! Беда! Караул!

И сразу на помощь к нему во весь дух
Примчалась хозяйка, примчался пастух,
И пусть работёнка была нелегка —
Вернули на травку и мать, и сына.

Вернули,
Вздохнули,
Все хором сказали:

— Как хорошо, что мы не опоздали!
А то бы нам столько досталось хлопот,
Что не управиться даже и в год!

Пришлось бы телёнка на солнце ловить,
Пришлось бы корову на небе доить,
А молоко-то
Для внуков, для внучек
Спускать осторожно меж беленьких тучек
В серебряном чистом ведёрчке
На дли-и-инной, предлинной верёвочке...
А она может оборваться!
А если оборвётся,
То как её связать?

ЖЁЛТЫЙ С КРАСНЫМ

Была деревня.
В ней изба.
В избе топилась печка.
Под печкой, словно два сверчка,
Нашли приют два мужичка —
Два шустрых человечка.

Один — весь жёлтый, как желток.
Второй — как пламень, красный.
И жёлтый подал голосок:
— Под тёплой печкою, браток,
Мы обжились прекрасно.

Да только скучно тут сидеть,
Бока без толку грея.
Давай хоть песни, что ли, петь,
Всё будет веселее!

И шум такой, и гам такой
Подняли человечки,
Что встал хозяин и метлой
Их вымел из-под печки.

Но жёлтый крикнул:
— Мы грустить
Не станем по закутку!
Раз не дают под печкой жить,
Пойдём в собачью будку.

Подкинем псу послаще кость
И скажем: «Ешь, дружище!»
И за гостинец пёс Барбос
Уступит нам жилище.

А красный поднял красный нос:
— К чему гостинец сладкий?
Собаку вытащим за хвост,
И будет всё в порядке!

Но пёс навстречу им шагнул
И цепь стальную так рванул,
Что братья побледнели
И, обрывая пиджачки,
Хватаясь цепко за сучки,
На дерево взлетели.

Воскликнул жёлтый:
— Вот так да!
Чуть не постигла нас беда!
Но мы к тому привычны;
Совьём, братишка, два гнезда
И заживём по-птичьи!

А брат в ответ ему: — Чудак!
Ну стоит ли стараться?
Гнездо — не дом. Гнездо —
пустяк.

Куда приятней просто так
На ветке покачаться!

Качнулись раз, другой... И вот
Раздался треск ужасный:
Упали прямо в огород
Два братца — жёлтый с красным.

И там, где жёлтый мужичок
Воткнулся в землю крепко,
Взошёл там зелени пучок
И — появилась репка.

А там, где шлёпнулся второй,
Там, стойкий да пахучий,
Пылая жаркой головой,
Поднялся перец жгучий!

И вот теперь они живут
На огородной грядке,
И хорошо всегда им тут,
И всё у них в порядке.

Хозяин их теперь метлой
Долой
Не выметает,
А — бережёт
И в летний зной
Водичкой поливает.

ЗЯБКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Жил да был в краю одном
Зябкий человечек.
Он построил новый дом,
В доме двадцать печек!

Печь была на чердаке,
Печь была в прихожей,
И в собачьем уголке,
И в кошачьем тоже.

И в подвале, и в сенях,
Даже на крылечке,
Злой метелице на страх,
Возвышались печки.

В топках уголь полыхал,
Дров пылали груды,

А хозяин всё вздыхал:
— Ох, боюсь простуды!

Сшил он чепчик меховой,
В шубу нарядился,
Но из дома лишь весной
Выглянуть решился.

Он сказал: — Мне пять минут
Погулять нелишне...
Здравствуй, солнышко! —
Но тут
Вдруг увидел вишню.

А на вишне — всё бело!
А в цветущих ветках
Разыгрался ветерок,
Он швырнул один цветок
В человечка метко.

И бедняга вдруг решил:
— Это снег валится!
Ох, зачем я поспешил
С печкой разлучиться!

Как вернусь теперь в свой дом
По такой метели? —
И с испугу начал он
Мёрзнуть в самом деле.

Коченея, он дрожал
Около крылечка...
Ладно, дворник прибежал,
Поднял человечка!

Ладно, крошку
В тот же час
На печи горячей
Уложил он под матрас,
А не то бы наш рассказ
Кончился иначе!

ЧУДО ЧУДЕСНОЕ

(Из русских народных сказок)

Вот так чудо случилось чудесное,
До сих пор никому не известное:

Залезал мужичок на осину,
Да сорвался и ухнул в трясину.
Провалился по самые уши
И сидит — только шапка снаружи.

Вдруг, пройти не успела минутка,
— Плюх! — уселась на шапку утка,
И сказала: — Ах, как тут отлично!
И — снесла на шапочку яичко.

Но и наш мужичок был не прост!
Хвать яичко,
Хвать утку за хвост!

И матёрая утка забилась,
Утка крякнула,
Утка взвилась,
Мужичок в небеса прынул свечкой
И — упал на сухое местечко.

А поднялся,
Домой заявился,
Всей родне тот же час похвалился:

— Вышло чудо со мною чудесное,
До сих пор никому не известное.
Кто смеётся, не хочет поверить,
Тот, пожалуйста, может проверить:
Вот вам шапка, вот в шапке

яичко —

Оно ещё тёпленькое!

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ

(Из русских народных сказок)

Шёл да брёл себе дурак
Через мост, через овраг.

Глядь, под ёлкой у дороги
Спит зайчишка длинноногий.

И дурак заулыбался,
И притих, и раз мечтался:

«Кабы я стоял на рынке,
А косо́й сидел в корзинке,
То пушистую зверюшку
Я сменял бы на индюшку,
А индюшку — на козлёнка,
А козлёнка — на телёнка,
А телёнка — на быка,
А быка — на рысак!

Ну, а если есть рысак,
Что стоять без дела, так?

Надо свистнуть да и ходом
Пролететь пред всем народом:

— Эй, народ! Посторонись!
На дороге не толпись!
Я поехал за невестой,
За княжной или принцессой!»

И дурак на самом деле,
Второпях да сгоряча,
Свистнул так, что из-под ели
Заяц задал стрекача!
Прямо в чашу, прямо в лес
Он удрал и там исчез.

— Охо-хо! — сказал дурак. —
Был почти в руках рысак,
Да не так я дело начал,
Оттого и неудача.

Надо было за невестой
Ехать тихо, не спеша,
В тарантасике двухместном,
Чуть колёсами шурша.

Надо было трогать с места
Не галопом, а шажком...
Ну да ладно!
До принцессы
Дошагаю
И пешком!

СКАЗКА ПРО ЯШУ

Бубенчиков Яша,
Упрямый чудак,
Всё делал иначе,
Всё делал не так.

Пусть домик его
Чуть не весь развалился,
Пусть дождик на Яшу
То капал, то лился,

Но крышу чудак
Починить не спешил —
От ливня спастись
Он иначе решил.

Он с берега в речку
Запрыгнул по горло

И крикнул соседям,
Хоть сипло, но гордо:

— Вот способ укрыться
От туч и дождя!
Да здравствует мудрость!
Да здравствую я!

Он громко чихнул,
Но услышал в ответ:
— Ума-то у Яши
Ни капельки нет!

А Яша подпрыгнул
И крикнул:
— Ах, так?! —

И кинулся в дом,
И полез на чердак.

Потом на трубу он
Залез с чердака
И начал метлой
Разгонять облака.

Махал он, махал,
А соседи ему
Опять говорят:
— Это всё ни к чему!

Ты лучше бы, парень,
Подумал о деле:
Смотри-ка, на крыше-то
Дыры да щели!

И Яша спустился
И целую ночь
Всё думал и думал,
Как делу помочь.

И вот взял муки он,
Крупитчатой, белой,
И вымесил
Сдобное тесто умело.

И в раннюю пору
До светлого часа
Дырявую крышу
Всю тестом обмазал.

А тут
И румяное солнце взошло
И прямо на крыше
Пирог испекло.

Пирог был огромный!
Четыре недели
Соседи его
С удовольствием ели.

А съели —
Сказали:
— Ну вот наконец
Бубенчиков Яша
У нас молодец!

**как
до небес
добраться**

КАК ДО НЕБЕС ДОБРАТЬСЯ

Что нужно сделать, братцы,
Чтоб до небес добраться?

За стол сначала надо сесть,
Тарелку манной каши съесть,
Потом в зелёный лес пойти,
Большое дерево найти
И вверх
По крепким сучьям
Подняться к белым тучкам.

А там
На тучку встать ногой,
Шагнуть на радугу — другой...
И вот
Уже нас не достать!
И небеса
Все наши!
Но, повторяю,
Начинать
Нам надо с манной каши.

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТИК

— Эй, бумажный самолёттик,
Ты куда это летишь?
Расскажи, зачем поднялся
Выше сосен, выше крыш?
— Я за речку,
Я за поле,
Я за синий бор лечу!
Я увидеть все на свете
Страны дальние хочу!

— Что ты! Что ты, самолёттик!
Надвигается гроза.
В поле молнии сверкают,
Из-за речки vyplывают
Чёрной тучи паруса.

Гром гремит за синим бором,
Ливни ходят полосой.
Воротись!
На тонких крыльях
Ты не справишься с грозой.

Но всё дальше самолёттик
Мчит, над крышами скользя:
— Не печалься! Мне
не страшно!
У меня кругом друзья!

Если частый град ударит,
Если тучи
Громыхнут,
Все мальчишки, все девчонки
Настежь окна распахнут!

И к ребятам прямо в руки
Я воробушком нырну,
И на чьей-нибудь ладошке
Посижу и отдохну.

А когда с друзьями вместе
Яркой радуги дождусь,
На бумажных
Тонких
Крыльях
Снова в небо поднимусь!

ДАВАЙ ПОДРУЖИМСЯ С ТОБОЙ!

1

На мосточке из дощечек
Нарисован человечек.
Он лежал, лежал, лежал —
Вдруг вскочил и побежал!

Он примчался — прыг да скок! —
На речной на бережок.
Закричал он:
— Эй ты, речка!
У меня, у человечка,
Видишь глазки? Видишь ручки?
Видишь ножки-закорючки?
Видишь носик мой торчащий?
Я совсем как настоящий!
Я хорошенький такой, —
Давай подружиться с тобой!

2

Отвечает речка: — Нет!
Не получится, мой свет!
Пусть хорош твой нос торчащий,
Но ты сам — **НЕНАСТОЯЩИЙ**.

Настоящий только тот,
Кто на берег мой придёт
Не хвалиться длинным носом,
А с поклоном и вопросом:

«Уважаемая речка,
Ты бежишь и день, и ночь.
Ты, наверное, устала.
Так не надо ли помочь?

Хочешь, звонкая, уважу:
Бережок твой разукрашу?
На пригорке, на виду,

Деревеньку возведу
С крышами зелёными,
С трубами белёными,
С пашнями да с тропками,
С пристанью и с лодками?»

Вот с таким-то человечком
Я, конечно, подружусь!
Я сама для новостройки,
Если надо, потружусь:
Из-за леса, из-за чащи
По волнам плоты примчу...
А с тобой, ненастоящим,
Даже знаться не хочу!

3

Человечек огорчился,
В чисто поле припустился.
Лёг под синий василёк,
Видит: вьётся мотылёк.
— Мотылёчек, мотылёк!
Может, ты сговорчивей?
Тронь меня хотя б разок
Крылышком узорчатым.

Сядь на носик мой торчащий,
Глянь, какой я — настоящий!
Я весь хорошенький такой
И хочу дружить с тобой...

Мотылёк ответил: — Что ж,
Я не спорю, ты хорош.
У тебя смешной животик,
У тебя чудесный ротик,
Носик тоже подходящий,
Но ты сам — **НЕНАСТОЯЩИЙ**.

Настоящий только тот,
Кто до солнышка встаёт
И несётся без оглядки

Поливать водичкой грядки,
Чтобы выросли цветы
Небывалой красоты!
Чтоб дарили ребятишки —
Все девчонки,
Все мальчишки
Их по дням рождения
Друг другу
В знак почтения.
С ними я, брат, и дружу,
А с тобою — погожу!

4

Человечек чуть не плача
Охнул: — Что за неудача!
Почему-то каждый раз
Вместо дружбы мне отказ!
Неужели потому,
Что ни разу никому
Ничего не подарил,
Только сам себя хвалил?

И опять пошёл он к речке,
И на ровном берегу
Встал на солнечном местечке
С тонким прутиком в руке.

Встал,
Вздыхнул один разок,
Опустился на песок,
Разровнял его ладошкой...
Глядь — и вычертил окошко!

А над ним крутую крышу,
А над крышей, чуть повыше,
Из трубы пустил дымок —
Получился теремок!

Теремок-домишко
С голубиной вышкой,
С двориком-садочком,

С клумбою цветочной,
С кошкой на крылечке,
С тропкой прямо к речке!

5

И сказала человечку
Речка звонко: — Мо-ло-дец!
Надо мною,
Голубою,
Домик с крышей и с трубой
Встал красиво, как дворец!

Дом не просто так стоит,
Печь в нём топится, дымит;
Да и сам ты — работающий,
И, выходит, НАСТОЯЩИЙ!
И, выходит, ты да я
С этих пор уже друзья.

Речке вторит мотылёк:
— Ты отличный паренёк!
Краше нет твоих цветов,
Лучше нет твоих трудов!
Да и носик твой неплох:
Длинный, как морковка!
Мотылькам на нём сидеть
Весело и ловко!
Давай, человечек, я на него опущусь...
Вот так!
Теперь мы с тобою тоже
Дружки-приятели!
Навсегда!

НА УЛОЧКЕ ЗЕЛЁНОЙ

На улочке Зелёной,
Где всё цветёт весной,
Трудились по соседству
Башмачник и портной.

С утра светило солнце
К ним в окна мастерских,
И дружная работа
Шла весело у них.

Но вот друзья устали
И в тёплый майский день
Уселись на скамеечку
В берёзовую тень.

Уселись,
И башмачник
Портному говорит:
— Послушай-ка, приятель,
А я ведь — **ЗНАМЕНИТ!**

Когда я на работе,
Весь город день-деньской
До вечера толпится
В башмачной мастерской.

Толпится не напрасно.
Все знают:
На заказ
Я шью ботинки прочно
И по ноге как раз.

Но главное не в этом!
А в том, приятель, суть,
Что ставлю на обновки
Я крепкие подковки,
Волшебные чуть-чуть...

Подвешен к ним бубенчик!
У них приятный звон.
Как ступишь на подковку,
Так слышится: динь-дон!

Динь-дон! Динь-дон! — старушка
Бредёт по мостовой.
Динь-дон! — спешит на помощь
К ней добрый постовой.

Динь-дон! Динь-дон! — спортсмены
Бегут на стадион.
Динь-дон! — от дома к дому
Шагает почтальон.

Динь-дон! Динь-дон! — малышки
Торопятся в детсад.
Динь-дон! — отряд пожарных
Выходит на парад.

Динь-дон! — и настроенье
Отличное у всех,
И в этом, я считаю,
Главнейший мой успех.

Не каждый сделать может
Подковку-бубенец!
Скажи, товарищ, честно:
Я правда молодец?

Портной сказал: — Нет спора!
Да ты забыл о том,
Что и ко мне весь город
С утра валит валом.

И тоже не напрасно!
Я сам любой заказ
Исполнить на отлично
Стараюсь каждый раз.

Я сам ничуть не хуже
Ребятам ужожу:
Им пуговицы цветные,
Стеклянные, литые
На курточки, на брючки
И даже сверху шапок
Красиво посажу.

Они — с секретом тоже!
Все пуговицы подряд,
Когда наступит вечер,
Сверкают и горят.

Горят!
И на берете
У девочки любой
Как будто бы фонарик
Пылает голубой.

Горят!
И каждый мальчик
В кепчонке набочок
По городу ночному
Летит, как светлячок.

Горят!
И слышен тоже
Повсюду звонкий смех...
Но я твердить не стану
Про собственный успех.

Быть может, мы с тобою,
Сосед, и хороши,
Да пусть об этом скажут
Нам сами малыши.

Пускай решат ребята,
Кто тут молодец,
А нам пора за дело
Опять приняться смело;
Денёк ещё в разгаре,
Работе —
Не конец!

ДУДОЧКА

Мне тонкую веточку
Клён подарил,
Я дудочку с дырочкой
Сам смастерил.

Я утром из дома
Ушёл на лужок
И в лёгкую дудочку
Дунул разок.

И тотчас в тумане,
В речной стороне
Пичуга зорянка
Подсвистнула мне.

И мигом ушла
Предрассветная тишь
За клёны, за гребни
Раскрашенных крыш.

И сразу проснулись
За песней моей
Песни окошек
И песни дверей,

Песни калиток,
Стучащих вразброд,
Песни мосточков
У каждых ворот,

Песня колодца
И песня ведра,
И музыка школьных
Ступенек с утра.

Все —
Листья и травы,
И ветер с полей —
Откликнулись дудочке
Тихой моей.

А с горки,
С плетня
Молодой петушок
Мне весело крикнул:
— Отлично, дружок!

Побудку такую
Почаще играй
И дудочку эту
Смотри не теряй!

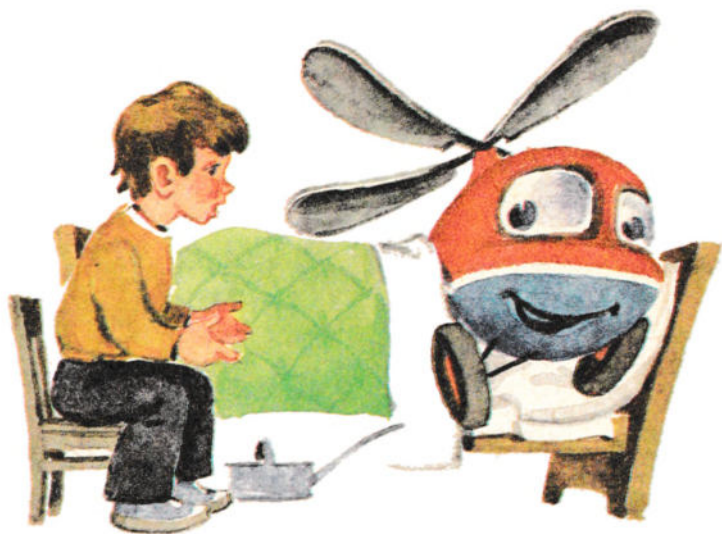
И я — не теряю..
На ней каждый раз
Негромко играю
В предутренний час.

А как же иначе?
А вдруг без меня
Не свистнет зорянка
В предвестии дня?

А вдруг не начнётся
Без песни моей
Песня окошек
И песня дверей?

Нет,
Пусть она снова
Звучит и звучит —
Кленовая дудочка
Не замолчит.

ВЕРТОЛЁТИК- ВЕРТОЛЁТ

1

Отлично, если в доме
Есть чижик или ёжик.
Прекрасно, если в доме
Слонёночек живёт.
Но если бы сбывалось
Всё то, что пожелалось,
То я себе завёл бы
Домашний вертолёт.

Конечно, не огромный.
Но всё же — настоящий.
Такой, чтоб сзади хвостик
С пропеллером торчал;
Такой, чтоб с управлением,
С кабиной и сиденьем,
И чтоб внутри моторчик
Мурлыкал и урчал.

Я вертолёту место
Отвёл бы в нашей спальне.
А сам бы спал на кухне;
Ведь это — не беда!
Зато бы мы дружили
И дружбой дорожили,
И было бы нам вместе
Весело всегда.

2

Ну вот, представьте, утро.
Бегут ребята в школу.
А я сижу спокойно,
Пью чай, не тороплюсь...
Теперь моя дорожка —
Не в двери, а в окошко:
По воздуху до школы
Я в пять минут домчусь!

Примчусь, дружка поставлю
Под клёном у крылёчка,
И прямо на уроке
Учителю скажу:
— Глеб Карпович, простите,
Но, если вы хотите,
Я мигом вас на небо
На синее свожу.

— Хочу! Хочу! Желаю! —
Ответит мне учитель.
— И мы хотим-желаем! —
Подхватит хором класс.
И вот уже не в школе,
А в небе, на просторе,
Урок по географии
Продолжится у нас.

Мы с птичьего полёта
Увидим, как на карте,
Наш новенький посёлок,
Квадраты красных крыш;
А вдалеке, за пашнями,
Москву с мостами, с башнями;
А может, даже Прагу!
А может, и Париж!

3

Но вот я мчусь обратно.
Вдруг слышу — в переулке
Как будто кто-то плачет
И что-то там не так...
А там, внизу, соседку,
Бубенчикову Светку,
Преследует огромный
Рассерженный гусак!

Я мигом жму на тормоз
И лесенку бросаю,

Кричу:
— Держись, Бубенчик!
И Светку вертолёт
На воздух подымает,
Несёт и опускает
У Светкиного дома,
У Светкиных ворот.

И жмёт мне Светка руку,
И гладит вертолётик,
И говорит:
— За помощь
Я вас благодарю!
Я вам обоим завтра,
А может, послезавтра,
Но всё же обязательно
Букетик подарю!

4

А вот ещё представьте:
Пришёл весенний праздник,
А на дворе ненастье
И взрослые ребят
Гулять не отпускают,
На ключик запирают:
— Сидите лучше дома! —
Ребятам говорят.

Но я на вертолёте
Стрелой взрываю к тучам!
И так винтами сильно
Там крутит вертолёт,
Что тучи разлетаются,
Солнце зажигается,
И в небе над посёлком
Радуга встаёт!

И отперты замочки,
И вынуты цепочки,

Все двери пораспахнуты,
И детвора гурьбой
Навстречу ветру мчится,
Пляшет, веселится
Под радугою алой,
Зелёной,
Голубой!

5

Нет, хорошо, что в доме
У нас есть чиж и ёжик...
Да и слонёнка тоже
К себе в дружки я жду!
Но всё ж к нему в придачу
Я так или иначе
Ещё и вертолётик
Домашний
Заведу!

ВЕТЕР И ТУЧА

Ветер с Тучею дружили,
Полю чистому служили:
Поливали в жаркий день
То пшеницу, то ячмень.

Но однажды крикнул Ветер:
— Я главное всех на свете!
С Тучей больше не дружусь,
Сам я в поле потружусь!

Туча сразу рассердилась,
Туча в ёлки опустилась,
В чащу спряталась по грудь,
Ну, а Ветер начал дуть.

Дул он, дул он что есть мочи,
Дул с рассвета до полночи,
А с полуночи опять
Принимался бушевать.

Наконец устал,
Вздохнул,
На труды свои взглянул.
А как глянул, так и охнул:
В чистом поле всё засохло!

Там теперь ни колоска,
Ни цветочка,
Ни листка...

— Охо-хо,— заплакал Ветер,—
Видно, есть на белом свете
Кто-то ветра поглавней,
Кто-то ветра посильней...
Неужели Туча —
Голубая круча?
Туча, не сердись,
В небо снова поднимись!

Туча громом громыгнула!
Туча крылья распахнула,
Туча в небо поднялась
И на землю
Пролилась!

Пролилась, как из ведра,
На сухие клевера,
На пшеницу, на ячмень
И на крыши деревень,

И в бадейки, и в кадушки,
И мальчишкам на макушки:
Пусть повсюду всё растёт!
Пусть повсюду всё цветёт!

Хмурый Ветер засмеялся,
Заплясал, закувыркался:
— Ой, спасибо, Тученька!
Тученька-могученька!
Это ты меня сильнее,
Это ты меня важней!

— Нет, — сказала тихо Туча, —
Я ничуть тебя не лучше.
Ты позвал — я поднялась.
Ты помог — я пролилась.

Славу нам делить не нужно:
Ведь всего важнее — дружба.
Где никто не ссорится,
Там и дело спорится.
Вот и всё!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДОЧЁТЫ

Звездочёты	5
Колечко	9
Башмаки-простаки	13
Как был весь мир спасён	16
Сверчок	18
Возвращение Слона	20
Дом с колокольчиком	24

КАПИТАН КОКО И ЗЕЛЁНОЕ СТЁКЛЫШКО

Повесть-сказка	25
--------------------------	----

ШАГАЛ ОДИН ЧУДАК

Шагал один чудака	113
Вверх по ступенькам	116
Жёлтый с красным	119
Зябкий человечек	122
Чудо чудесное	124
Если бы да кабы	125
Сказка про Яшу	127

КАК ДО НЕБЕС ДОБРАТЬСЯ

Как до небес добраться	131
Бумажный самолётик	132
Давай подружмся с тобой!	133
На улочке Зелёной	137
Дудочка	141
Вертолётчик-вертолёт	143
Ветер и Туча	147

**Лев Иванович
Кузьмин**

ШАГАЛ ОДИН ЧУДАК

Стихи, повесть-сказка

**Для детей дошкольного и младшего
школьного возраста**

Зав. редакцией *А. Лукашин*

Редактор *Н. Остапенко*

Художественный редактор *Т. Ключарева*

Технический редактор *В. Чувашова*

**Корректоры *И. Пархомовская,
Г. Борсук***

ИБ № 1677

**Сдано в набор 30.11.87. Подписано в печать 10.10.88.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага офс. № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,11. Усл. кр.-отт. 46,48.
Уч.-изд. л. 9,592. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6015.
Цена 90 коп.**

**Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Ордена Трудового Красного Знаме-
ни типография издательства «Звезда». 614600, г. Пермь,
ГСП-131, ул. Дружбы, 34.**

Кузьмин Л. И.
К89 Шагал один чудак: Стихи, повесть-сказка /Худож. В. Аверкиев.— Пермь: Кн. изд-во, 1988.— 149 с.
ISBN 57625—0044—6

Переиздание популярных произведений пермского детского писателя.

К $\frac{4803010102-73}{\text{М } 152(03)-88}$ 48—88

ББК 84(2)7

90 коп.

